НОВОСИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ И.К. ЯКОВЛЕВА МВД РОССИИ

Кафедра военной педагогики и психологии

Т.А. Кононова, М.В. Чихачёв

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Учебное пособие

НОВОСИБИРСК
2015

УДК 159.9(075)
ББК 88.1
К64

Издается по решению редакционно-издательского совета Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России

Рецензенты:
Н.Я. Большунова, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета;
С.А. Перегудов, профессор кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, доцент

Кононова Т.А., Чихачёв М.В.

К64 История психологии: учеб. пособие / Т.А. Кононова, М.В. Чихачёв. – Новосибирск: Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, 2015 г. – 84 с.
ISBN 978-5-906431-26-4

Учебное пособие содержит материалы для подготовки рефератов, дипломов и диссертационных исследований. В пособии раскрываются основные понятия психологии, освещаются ее основные проблемы с позиции различных научных школ и подходов. Авторы в данной работе раскрывают предмет истории психологии, периодизацию психологии как науки и основные психологические школы. Пособие предназначено для курсантов, адъюнктов, слушателей курсов повышения квалификации преподавателей, а также тех, кто интересуется психологией.

УДК 159.9(075)
ББК 88.1

ISBN 978-5-906431-26-4

© Кононова Т.А., Чихачёв М.В. 2015
© НВИ ВВ имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, 2015

Оглавление

Введение……..4
Раздел I. Введение в предмет истории психологии……..... 8
1.1. Предмет и задачи истории психологии…….8
1.2. Роль историко-психологического знания в построении психологической науки…8
1.3. Принципы и методы историко-психологического познания……..9
1.4. Периодизация истории психологии……..... 10
1.5. Донаучный этап развития психологической мысли…… 11
Раздел II. Развитие психологической мысли в рамках философии и естествознания… 13
2.1. Античная психологическая мысль……..... 13
2.2. Психологическая мысль в Средние века……...23
2.3. Психологическая мысль эпохи Возрождения…….. 25
2.4. Психологическая мысль Нового времени……..... 26
2.5. Психологическая мысль эпохи Просвещения и первой половины XIX века……34
2.6. Психологическая мысль в России……..42
Раздел III. Развитие психологии как отдельной науки…….. 48
3.1. Зарождение психологических школ и направлений……..... 48
3.2.Основные психологические школы……56
3.3. Кризис психологии начала XX века……..66
3.4. Эволюция школ и направлений……67
Заключение……..... 81
Литература ……. 82

Введение

Для того чтобы обрести способность к психологическому познанию, недостаточно испытывать к нему интерес, что тоже очень важно. Необходимо, окунувшись в неисчерпаемый океан психологической мысли, почувствовать его своеобразие, особенности, направленность, обусловленность и характер развития. Этот «мир психологии» формировался в течение тысячелетий и поэтому процесс его становления носит далеко не случайный, а закономерный характер, основанный на факторах всех сфер жизнедеятельности человечества: от совершенствования общественно-экономических отношений до процесса развития собственно психологического знания. Этот мир имеет довольно сложный для начального восприятия язык, свою систему закономерностей, принципов, категорий и понятий, включает в себя огромную совокупность идей, выдвинутых мыслителями различных времен и народов.

Далеко не каждому под силу сориентироваться в этом безбрежном мире. Необходимо средство «компас», который бы помог ознакомиться с психологическими теориями, концепциями, идеями прошлого и современности, выделить в них наиболее ценное для теоретической и практической деятельности. Таким теоретико-методологическим средством служит история психологии – наука о закономерностях развития психологического знания на различных этапах эволюции человечества.

На сегодняшний день психология – огромный мир знаний, включающий более сотни отраслей. Она «и очень старая, и совсем молодая наука, … имеет за собой тысячелетнее прошлое, и, тем не менее, она вся еще в будущем» (С.Л. Рубинштейн). Истории психологии в этой системе психологического знания принадлежит особая роль: она отвечает на вопрос, как развивалась эта система? Данное обстоятельство позволяет определить место истории психологии. Во-первых, это введение в психологию – психологическая пропедевтика; во-вторых, это теоретико-методологическая основа деятельности психолога любого уровня. Ибо, не определившись в мировозренческих установках и характерной для нее системе познавательных и регулирующих средств, невозможно построение психологического познания и практики в научных рамках.

Целью истории психологии является накопление и изучение содержания психологических представлений на всех известных этапах эволюции человечества. Исходя из обозначенной цели, история психологии является не только познавательной наукой, она имеет практическое значение: не просто «собирает знания», а заставляет их «работать» в различных сферах жизнедеятельности человека. Данная сторона истории психологии отражается в ее задачах.

К таковым следует отнести:

– сбор, обработку, систематизацию, обобщение психологических идей прошлого и современности, установление их источников;

– выявление закономерностей и зависимостей развития психологи-

ческого знания, прогнозирование на их основе возможных путей его эволюции. Ответ на вопрос: почему психологические концепции развивались в определенном направлении?;

– проведение науковедческих изысканий, формирование информационной базы теоретико-методологического обеспечения современного решения и разработки проблем психологии, закрытие ее «белых пятен»;

– создание картины поступательного развития психологической мысли, а не только «поля брани психологических идей». Выявление критериев теоретической и практической значимости психологических концепций, обеспечение возможности ориентации и учета уроков в эволюции психологического знания.

Созвучной в этой связи представляется позиция выдающегося отечественного психолога Б.М. Теплова: «Одна из самых актуальных для современной науки задач истории психологии заключается в том, чтобы в психологии оставалось, возможно, меньше проблем, в которых легче открыть Америку, чем узнать, что она уже открыта».

История психологии обладает всеми принятыми на сегодняшний день признаками науки (хотя, как известно, вариантов построения научных систем достаточно много). Так, объектом истории психологии выступает психологическое знание. Предметом истории психологии являются закономерности и тенденции процесса эволюции психологического знания. История психологии имеет свой, отличный от других наук язык, выраженный в системе категорий и понятий, например: генезис психологических идей; становление, развитие, эволюция и оформление психологического знания; периодизация психологии; критерии ценности и научности психологических идей; эвристичность психологической концепции; психологические школы, течения и направления; и т.д. Во многом категориально-понятийные аппараты психологии и ее истории взаимно «перекрываются», «пересекаются» и невозможны один без другого, что свидетельствует об их тесной связи, ибо изучение науки о психике и сознании (как и любой другой области знания) невозможно без ее ретроспективного контекста.

В качестве научных признаков у истории психологии можно выделить общие, особенные и частные закономерности. К общим закономерностям, присущим всему процессу развития психологического знания, следует отнести: дифференциацию психологического знания и его поступательное развитие; противодействие материалистических и идеалистических направлений в рамках психологических учений; зависимость эволюции психологического знания от экономических факторов, социально-политических условий, уровня и образа жизни народов и наций, состояния их культуры, естественнонаучных открытий, развитости рациональных и эмпирических средств познания психических явлений и сознания, личностного фактора и т.д. К особенным закономерностям истории психологии следует отнести таковые, присущие отдельным эпохам и регионам (например, эпохи средневековья или эволюции психологической мысли на Европейском континенте). Частные

закономерности характеризуют развитие психологической науки в конкретных странах и периодах (например, становление психологии в России, развитие немецкой или французской психологии в XIX веке).

Эволюция психологического знания (как и всех известных наук) происходила сменой парадигм – общепринятых образцов научной практики, совокупности единственно возможных идей в конкретный исторический период (Т. Кун). В истории психологии известны парадигмы, выступившие в различных формах детерминизма (стихийного, атомистического, механистического, биологического и т.д.), эмпиризма, ассоцианизма, эволюционизма, функционализма, гуманизма и т.д. Эти и другие парадигмы родились из решения учеными, мыслителями, исследователями поистине вечных диад - противоспоставлений: «сознание – материя», «тело – душа», «мозг – душа», «внешнее – внутреннее», «биологическое – социальное», «сознательное – подсознательное», «сознательное – бессознательное», «деятельность – сознание», «действие – слово», «значение – смысл» и т.д. Попытки решения этих диад породили в истории психологии ее ведущие – поистине «вечные проблемы», решаемые всеми поколениями мыслителей и ученых: психофизическую, психобиологическую, психофизиологическую, психосоциальную, психосоматическую, психогенетическую, психохимическую и т.д.

В связи с разнообразием форм представления психологии в системе научного знания в различные эпохи совокупности методов историко-психологических исследований присущ междисциплинарный характер. Методы истории психологии выражены предметным, сравнительным и критическим анализом, теоретической реконструкцией, сопоставлением, усложнением и наращиванием психологических знаний, составлением структурно-логических и динамических схем и моделей, привязкой процесса эволюции психологического знания к хронологии, персоналиям и конкретным событиям, ретроспективным воспроизведением научных концепций и идей различных времен и народов.

Система методов любой области знаний, в том числе истории психологии, определяется наличием реального фактического материала, с которым «работает» наука, – ее источников. В широком смысле к ним можно отнести духовную и материальную культуру человеческой цивилизации. Конкретными источниками истории психологии являются тексты – труды историков, философов, естествоиспытателей, психологов, других авторов; события и конкретно-историческая обстановка, как следствие уровня психологического знания и научного образа мысли прошлого; анализ действий людей и групп в различные эпохи, способов решения социально-психологических проблем на личностном и групповом уровнях; психологические стереотипы и результаты самопознания (как люди познавали, понимали и представляли себя) и т.д. Таким образом, источниками истории психологии являются все доступные исследованию результаты деятельности человечества, отражающие исторический процесс накопления психологических знаний, все известные достижения нашей цивилизации, напрямую или опосредованно влияющие на развитие и становление науки психологии.

Определение некоторых методологических позиций позволяет определить значение истории психологии, заключающееся в нескольких уровнях:

– во-первых, мировоззренческом (знание процесса эволюции науки о психическом и сознании имеет фундаментальное значение для начинающих или опытных психологов любого уровня, обусловливает арсенал их познавательных и практических средств);

– во-вторых, личностном (восприятие себя через историческое понимание психики и сознания – фактор зрелости личности, а для психолога – это условие формирования способности изучать и понимать людей, помогать разрешению их психологических проблем);

– в-третьих, общенаучном (имеет принципиальное значение для других, как гуманитарных, так и естественных наук: без истории психологии они бедны и беспредметны, ибо, начиная с Древнего мира все рациональные попытки человека, объяснить себя и свое место в окружающем мире изначально психологичны);

– в-четвертых, собственно психологическом. Для психологической науки ее история – это память науки, без которой неизбежны ошибки и заблуждения. Для становления психолога знание истории психологии – это показатель его культуры, профессионального кругозора и исходной научной базы: без знания как развивались представления о психике и сознании понимание их сущности невозможно.

Изучение истории психологии возможно двумя путями. Первый – это обращение к первоисточникам (монографии, хрестоматии и сборники оригинальных текстов дают для его реализации достаточные основания). Второй – знакомство с процессом эволюции психологической мысли по комментариям, учебникам и пособиям, что дает возможность в ограниченное время оперативно черпать знания из «вторых», а то и «третьих рук». Но как бы эти «руки» ни были чисты и талантливы, ничто не может заменить в историко-психологическом познании общения с оригинальными сочинениями – первоисточниками.

В этой связи, основной целью предлагаемой читателю работы является не только конспективное отражение процесса эволюции психологического знания от античности до XX века, но и определение возможных направлений его исследования по дошедшим до нас первоисточникам. Поэтому чтение пособия рекомендуется осуществлять параллельно с изучением оригиналов – трудов выдающихся мыслителей и ученых различных времен и народов.

Очерки-обзоры характеризуют содержание и вклад представителей различных эпох и народов в формирование психологии как науки, намечают некоторые возможные направления исследования путей развития ее школ и теорий. Не прибегая к обширному аппарату ссылок и примечаний, что затруднило бы восприятие излагаемого материала, внимание читателя сконцентрировано на процессах становления и развития, а также содержании взглядов и концепций конкретных мыслителей, ученых и школ психологии.

Раздел 1. Введение в предмет истории психологии

«История более полезна, она полна мудрости».
Философ-гуманист Лоренцо Валла (XV в.)

1.1. Предмет и задачи истории психологии

Предмет истории психологии тесно связан с предметом психологической науки, но в отличие от предмета психологии, в истории психологии изучается не сама психическая реальность, а представления о ней, какими они были на разных этапах поступательного развития науки.

Предмет истории психологии: исследовательская деятельность по изучению процесса познания психологических явлений, психической реальности, а также тех, кто внёс свой вклад в развитие психологической мысли, в предмет психологии.

Задачи истории психологии:

- Анализ возникновения и развития научных знаний о психике.
- Изучение закономерности развития взглядов на предмет психологии и проблемы преемственности.
- Раскрытие взаимосвязи психологии с другими науками.
- Выяснение закономерности связей с эпохами, традициями, идеологическое влияние на развитие науки психологии.
- Изучение роли личности и её влияния на развитие психологической мысли.

Знания, полученные в ходе обыденной практической деятельности, представления о психике и результаты ненаучных способов умственной деятельности при этом не рассматриваются.

1.2. Роль историко-психологического знания в построении психологической науки

Знание истории психологии необходимо для понимания различных теорий и направлений современной психологии, путей и тенденций её развития. Только включение в исторический контекст позволяет наиболее полно понять их сущность, выявить их исходные позиции, оценить подлинную новизну и осознать их исторический смысл.

Научный подход к любой проблеме предполагает необходимость иметь информацию о прошлом. Любое научное исследование должно быть органически связано с историей изучаемого вопроса, так как нет такой проблемы в современной науке, которая могла бы решаться без учёта её предшествующей истории.

Владение знанием истории науки не ограничивается воспроизведением воззрений прошлого. В полной мере историческое прошлое может служить настоящему только в том случае, если оно используется в целях актуальных проблем. Некоторые вопросы, имеющие значение для перестройки современных теорий психологии, могут быть разрешены и более точно

сформулированы с помощью сравнительного творческого «диалога с прошлым», который обеспечит взгляд, выходящий за рамки трудностей сегодняшнего дня.

1.3. Принципы и методы историко-психологического познания

В историческом исследовании основополагающими являются *принцип историзма, принцип единства логического и исторического, принцип детерминизма.*

Принцип историзма требует от исследователя рассмотрения того или иного отрезка прошлого во всей полноте его конкретного содержания, в системе соответствующих тому времени условий и общей ситуации в науке, что позволяет показать неповторимость и уникальность изучаемого явления по сравнению с предшествующим этапом и ограниченность в развитии знания в сравнении с более поздними этапами. Отступлением от принципа историзма являются односторонность и схематизм в изображении событий прошлой истории.

Принцип единства логического и исторического, согласно которому обязательно предполагается выявление в изучаемом явлении общей закономерности, не только описание того или иного этапа развития психологического знания, но и представление его теоретически, в его подлинном значении, как этапа на бесконечном пути научного познания.

Принцип детерминизма требует от исследователя умения раскрыть способ причинного объяснения психического как обусловленного порождающими его факторами.

Основные методы истории психологии:

1. *Теоретическая реконструкция* – описание и критический анализ научных систем прошлого, конкретных программ получения, обоснования и систематизации психологического знания с опорой на методологические принципы исторического исследования и с позиции по отношению к достижениям и проблемам современной психологии.

2. *Метод интервьюирования* – беседа с выдающимися деятелями психологической науки по заранее составленному исследователем перечню вопросов, направленных на получение материалов, в соответствии с конкретной задачей исследования.

3. *Биографический и автобиографический методы*, которые воссоздают атмосферу реальной жизни, являются источником знаний о духовном развитии учёного и этапах его научного труда, дают уникальный материал о жизни людей науки и научном творчестве.

Принципы историко-психологического исследования в совокупности с методами составляют основу научного анализа исторического пути развития психологии.

1.4. Периодизация истории психологии

Развитие психологии, как и любой науки, не линейный, а очень сложный процесс, на пути которого были и «зигзаги», и возвраты уже к пройденным решениям, и «топтание на месте», и конечно же кризисы. Но в целом история психологии свидетельствует о неуклонном прогрессе психологических знаний в хронологической последовательности их появления, а при постоянном внимании к оценке достижений и потерь – на каждом временном этапе раскрывает всё новые и новые стороны психической реальности и всё полнее объясняет их.

Первые научные представления о психике возникли ещё в VI в. до н.э., когда психологические знания зарождались и развивались в недрах философии. Термин «психология» появился в XVI веке в западноевропейских текстах. Составили его из двух древнегреческих слов: «psyche» (душа) и «logia» (понимание, знание). В этих древнегреческих терминах осели смыслы, преобразованные двухтысячелетней работой великого множества умов. Постепенно слово «психология» вошло в оборот повседневной жизни.

Но в те времена психологии как отдельной науки еще не было. Психологами называли знатоков души, человеческих страстей и характеров. Научные же знания отличаются от житейских тем, что они, опираясь на силу абстракции и общечеловеческого опыта, открывают законы, которые правят миром. 2,5 тысячи лет они прорезывались в недрах естествознания и философии, педагогики и медицины, в различных явлениях социальной практики.

Только к середине XIX века психология из разрозненных знаний о психике различных наук стала самостоятельной наукой. Это вовсе не значит, что в предшествующие эпохи представления о психике (душе, сознании, поведении) были лишены признаков научности. Веками осознавались проблемы, изобретались гипотезы, строились концепции, готовившие почву для современной науки о психической организации человека. В этом вечном поиске научно-психологическая мысль очерчивала грани своего предмета.

За всю историю развития психологических знаний известны три определения предмета психологии: как науки о душе, о сознании, о поведении, а также о происхождении психических свойств и процессов. В рамках науки о душе психология была скована понятием души как объяснительным принципом. Отказ от него и переход к изучению сознания связаны с выделением сознаваемой психики в качестве объекта исследования, при этом сознание выступало одновременно и как предмет, и как объяснительный принцип психологии. Психология как наука о поведении была направлена на преодоление субъективизма психологии сознания и вышла на пути объективного исследования, но этот прогрессивный шаг был сделан за счёт утраты самого объекта изучения – психики и сознания. На последнем к настоящему моменту этапе развития психологической мысли восстанавливается единство исторически разорванных сознания и поведения за счёт реального осуществления объективного подхода к психологическому познанию.

В историческом пути развития психологической мысли условно различаются три больших этапа: *донаучный этап развития психологической мысли, развитие психологии в рамках философии и естествознания, развитие психологии как самостоятельной науки.*

Таблица 1

Этапы развития психологической мысли

I. Донаучный этап развития психологической мысли	Мифологический период
II. Развитие психологической мысли в рамках философии и естествознания	1. Античная психологическая мысль. 2. Психологическая мысль в Средние века. 3. Психологическая мысль эпохи Возрождения. 4. Психологическая мысль Нового времени. 5. Психологическая мысль эпохи Просвещения и первой половины XIX века.
III. Развитие психологии как самостоятельной науки	1. Зарождение психологических школ и направлений. 2. Кризис психологии начала XX века. 3. Эволюция психологических школ и направлений.

1.5. Донаучный этап развития психологической мысли

Еще в глубокой древности люди задумывались о существовании «души», природе психического, о законах взаимоотношения людей. Первые представления о душе предшествовали научным взглядам на её природу. Они возникали в системе первобытных верований людей, в мифологии. Миф – это сказание, построенное на образах, история с символическим выражение представления народов о чём-то, предписывание некоторым явлениям значений, которые принимаются на веру и не доказываются научно. Эти донаучные и вненаучные представления широко развивались в Древнем Египте, Древнем Китае, Древней Индии и Древней Греции. Они очень своеобразны и отличаются от научных знаний о душе по способу их получения, по форме воплощения и по своему назначению.

Анимизм. Появление древних представлений об окружающем мире связано с анимизмом (от латин. «anima» – душа, дух) – *верой в скрытый за видимыми вещами сонм духов (душ) как особых «агентов» или «призраков», которые покидают человеческое тело с последним дыханием, а по некоторым, являясь бессмертными, вечно странствуют по телам животных и растений.*

Душа рассматривается здесь как нечто сверхъестественное, как «зверёк в животном, человек внутри человека. Сон или транс представляют собой временное, а смерть – постоянное отсутствие души. Об этом свидетельствуют древние тибетские трактаты: «Тибетская книга мертвых», «Теория реинкарнации». Природу психического под мифологическим воззрением рассматривали и древние греки, которые называли душу словом «психе». Оно в последствии и дало имя науке психологии.

Своим названием и первым определением психология обязана греческой мифологии, точнее мифу об *Эроте и Психее*.

Эрот, сын Афродиты, влюбился в очень красивую молодую женщину Психею. К сожалению, Афродита была очень недовольна, что ее сын, житель «неба», хотел соединить свою судьбу с простой «смертной», и прилагала все усилия, чтобы разлучить влюбленных, заставляя Психею пройти через целый ряд испытаний. Но любовь Психеи была так сильна и стремление вновь встретиться с Эротом так велико, что это произвело глубокое впечатление на богинь и богов, и они решили помочь ей выполнить все требования Афродиты. Эроту в свою очередь удалось убедить Зевса (верховное божество греков) превратить Психею в богиню, сделав ее бессмертной. Таким образом, влюбленные были соединены на веки.

Для греков этот миф был классическим образцом истинной любви, высшей реализации человеческой души. Поэтому Психея – смертная, обретшая бессмертие, – стала символом души, ищущей свой идеал.

В имени сохранились следы изначального понимания связи жизни с ее физической и органической основой. Уже в ту древнейшую эпоху, говоря о душе («психе»), люди как бы соединяли в единый комплекс присущее внешней природе (воздух), организму (дыхание) и психике (в ее последующем понимании). Конечно, в своей житейской практике они все это прекрасно различали. Знакомясь с их мифами, нельзя не восхищаться тонкостью понимания стиля поведения своих богов, отличающихся коварством, мудростью, мстительностью, завистью и иными качествами, которыми наделял небожителей творец мифов – народ, познавший психологию в земной практике своего общения с ближними.

Еще в IX веке до н.э. греческий поэт ***Гомер*** описал в «Илиаде» и «Одиссее», каким образом боги вмешивались в жизнь людей, заставляли их влюбляться, придавали им смелость в бою или, напротив, отнимали ее, направляли их гнев или чувство мести. Тех же представлений придерживался и знаменитый античный философ и математик ***Пифагор***.

Мифологическая картина мира, где тела заселяются душами (их «двойниками» или «призраками»), а жизнь зависит от произвола богов, веками царила в общественном сознании.

Раздел II. Развитие психологической мысли в рамках философии и естествознания

2.1. Античная психологическая мысль

Гилозоизм (VI - IV в. до н.э.) Революцией в умах стал переход от анимизма к гилозоизму (от греч. слова «hyle», означающего вещество, материя и «zoe» – жизнь). *Весь мир – универсум, космос мыслился отныне изначально живым. Границы между живым, неживым и психическим не проводилось. Все это рассматривалось как порождение единой первичной материи (праматерии),* и, тем не менее, новое философское учение стало великим шагом на пути познания природы психического. Оно покончило с анимизмом (хотя он и после этого на протяжении столетий, вплоть до наших дней, находил множество приверженцев, считающих душу внешней для тела сущностью).

Философу – гилозоисту ***Гераклиту*** (VI век до н.э.) космос явился в образе «вечно живого огня», а душа «психея» – в образе его искорки. Один из афоризмов Гераклита гласил: *«Познай самого себя».* Но в устах философа это вовсе не означало, что познать себя – значит уйти вглубь собственных мыслей и переживаний, отвлекшись от всего внешнего: «По каким бы дорогам ни шёл, не найдёшь границ души, так глубок её Логос», – учил Гераклит.

Этот термин «логос», введённый Гераклитом, но применяемый поныне, приобрел великое множество смыслов. Но для него самого он означал закон, по которому «все течёт» и явления переходят друг в друга.

«*Малый мир (микрокосм) отдельной души подобен макрокосму всего миропорядка.* Поэтому *постигать себя (свою психею) – значит углубляться в закон (Логос), который придаёт вселенскому ходу вещей сотканную из противоречий и катаклизм динамическую гармонию»*.

Все сущее подвержено вечному изменению: «Наши тела и души текут как ручьи». После Гераклита в запас средств, позволяющих читать «книгу природы» со смыслом, вошла *идея закономерного развития всего сущего.*

Учение Гераклита о том, что от закона (а не от произвола богов – властителей неба и земли) зависит ход вещей, перешло к философу ***Демокриту*** (IV в. до н.э.), родоначальнику мистического материализма. *Сами боги, в его изображении, – ничто иное, как сферические скопления огненных атомов. Человек также создан из различного сорта атомов. Самые подвижные из них – атомы огня. Они и образуют душу.*

Единым и для души, и для космоса он признал закон, согласно которому: «*нет беспричинных явлений, но все они – неотвратимый результат столкновения непрерывно движущихся атомов. Случайными кажутся события, причины которых мы не знаем*».

Демокрит говорил, что хотя бы одно причинное объяснение вещей предпочтёт царской власти над персами. (Персия была тогда сказочно богатой страной.) *Впоследствии принцип причинности, введённый Демокритом, назвали детерминизмом.*

Учение Демокрита о душе получило своё развитие у античного философа ***Эпикура*** (IV-III вв. до н.э.), его последователя в Риме ***Лукреция* I** (I в. до н.э.) и у основателей атомистического материализма, античных философов стоиков ***Зенона, Хризипа*** и ***Анаксимена*** (IV - III в. до н.э.).

Афинский философ ***Анаксагор*** не принял ни гераклитово воззрение на мир как огненный поток, ни демокритову картину атомных вихрей. *Считая природу состоящей из множества мельчайших частиц, он искал в ней начало, благодаря которому из беспорядочного скопления и движения этих частиц возникают целостные вещи. Из хаоса – организованный космос. Он признал таким началом некую «тончайшую вещь», которой дал имя «nus» (разум). От того, какова степень его представленности в различных телах, зависит их совершенство.*

Однако «человек, – говорил Анаксагор, – является самым разумным из животных вследствие того, что имеет руки». Выходило, что *не разум, а телесная организация человека* определяет его преимущества.

Таким образом, все три принципа, утвержденные Гераклитом, Демокритом, Анаксагором, создавали главный жизненный нерв будущего научного способа осмысления мира, в том числе и научного познания психических явлений. Какими бы извилистыми путями ни шло это познание в последующие века, оно имело своими регуляторами *три идеи: закономерного развития, причинности и организации (системности).* Открытые древнегреческим умом две с половиной тысячи лет назад объяснительные принципы стали на все времена основой объяснения душевных явлений.

Итак, *гилозоизм впервые поставил душу (психику) под общие законы естества.* Утверждался непреложный и для современной науки постулат об изначальной вовлечённости психических явлений в круговорот природы.

Анатомия и медицина. Позиции материализма в античной психологии укреплялись успехами античных врачей в анатомии и медицине.

Врач и философ ***Алкмеон*** (IV в. до н.э.) впервые в истории знания *выдвинул положение о локализации мыслей в головном мозге.*

Демокрит дружил со знаменитым медиком ***Гиппократом*** (460 - 377 г. до н.э.), для которого как медика важно было знать устройство живого организма, причины, от которых зависят здоровье и болезнь. Такой причиной Гиппократ считал *пропорцию, в которой смешаны в организме различные «соки» (кровь, желчь, слизь). Пропорция в смеси была названа темпераментом.* С именем Гиппократа связывают дошедшие до наших дней названия четырёх темпераментов, которые впоследствии описал римский врач ***Аэций*** (V в. н.э.): *сангвинический* (преобладает кровь), *холерический* (жёлтая желчь), *меланхолический* (чёрная желчь), *флегматический* (слизь). Для будущей психологии этот объяснительный принцип при всей его наивности имел важное значение. Недаром названия темпераментов сохранились поныне.

Во-первых, на передний план ставилась гипотеза, согласно которой *все бесчисленные различия между людьми можно уместить в несколько общих картин поведения. Тем самым Гиппократ положил начало научной типологии,*

без которой не возникли бы современные учения об индивидуальных различиях между людьми.

Во-вторых, источник и причину различий Гиппократ искал внутри организма. *Душевные качества ставились в зависимость от телесных.*

Александрийский врач ***Герофил*** (III в. до н.э.), вскрывая трупы «безродных» людей, *описал мозговые оболочки и желудочки мозга*, которым придавал большое значение, *а также установил различие между чувствительными и двигательными нервами*. Его соотечественник врач ***Эразистрат*** подробно описал разные части головного мозга и, *обратив внимание на извилины мозга, связал богатство извилин мозговых полушарий у человека с его умственным превосходством над животными.*

Все анатомо-физиологические сведения античных врачей объединил и дополнил римский врач ***Гален*** (II в. н.э.), *которому принадлежали открытия, связанные с выяснением строения и функций головного и спинного мозга.* На основании своих опытов Гален пришёл к выводу:

«...без нервов нет ни одной части тела, ни одного движения, называемого произвольным, и ни единого чувства»; «...в головном мозге производится и хранится высший сорт пневмы как носительницы разума».

Гален развил учение о темпераментах Гиппократа. Он выделял четыре начала всех вещей – тёплое (энергичное), холодное (медлительное), сухое, влажное и четыре сока как строительный материал организма животных и человека, всего он выделял 13 темпераментов, из которых лишь один нормальный, а остальные 12 – отклонение от нормы.

О роли нервной системы в формировании особенностей темперамента в ту эпоху ещё не знали. Поэтому типология являлась *гуморальной* (от латин. «humor» – жидкость). В новейших же теориях признаётся теснейшая связь между нервными процессами и жидкими средами организма, его гормонами (греческое слово, означающее то, что возбуждает). Отныне и медики, и психологи говорят о *единой нейрогуморальной регуляции поведения.*

Софизм. Новую особенность этих явлений открыла деятельность философов, названных софистами («учителями мудрости»). Их интересовала не природа с её независящими от человека законами, а *сам человек, которого софист* ***Протагор*** *назвал «мерой всех вещей».*

В истории психологического познания *деятельность софистов открыла новый объект: отношения между людьми*, которые объяснялись с помощью средств, призванных доказать и внушить любое положение, независимо от его достоверности. В связи с этим *детальному обсуждению были подвергнуты приемы логических рассуждений, строение речи, характер отношений между словом, мыслью и воспринимаемыми предметами.*

Как можно что-либо передать посредством языка, спорили софисты ***Зеноном*** и ***Горгий***, если его звуки ничего общего не имеют с обозначаемыми ими вещами? И это не софизм в смысле логического ухищрения, а реальная проблема. Проблема, как и другие вопросы, обсуждавшиеся софистами, подготавливала развитие нового направления в понимании души. Были

оставлены поиски её природной «материи» (огненной, атомной и др.). *На передний план выступили речь и мышление, как средство манипулирования людьми.* Впоследствии софистами стали называть лжемудрецов, которые с помощью различных уловок выдают мнимые доказательства за истинные.

Из представлений о душе исчезали признаки её подчинённости строгим законам и неотвратимым причинам, действующим в физической природе. Язык и мысль лишены подобной неотвратимости. Они полны условностей и зависимости от человеческих интересов и пристрастий. Тем самым, действия души приобретали зыбкость и неопределенность. Возвратить им прочность и надёжность, коренящиеся не в вечных законах мироздания, а в её собственном внутреннем устройстве, стремился Сократ.

Идеализм. Против движения софистов с их положениями об относительности знаний, понятия добра и зла, снижения интереса к вопросам натурфилософии и критериям поведения выступил ***Сократ*** (470-399 г. до н.э.). Он посвятил свои силы борьбе за существование философии и связанной с ней нравственной истины и создал для неё фундамент.

В учении о душе Сократ впервые указал на разграничение между телом и душой и провозглашал нематериальность и невещественность и бессмертие души. Он определил душу отрицательно – как нечто, отличное от тела.

«Душа невидима в отличие от видимого тела. Она – разум, который является началом божественным, частью всеобщего Божественного разума, являющегося единственной причиной всех явлений. Знание же обладает активной силой, оно хранится в тайниках души каждого человека».

Об этом философе, ставшем на все века идеалом бескорыстия, честности и независимости мысли, мы знаем со слов его учеников. Сам же он никогда ничего не писал и считал себя не учителем мудрости, а человеком, *пробуждающим у других стремление к истине путём особой техники диалога, своеобразие которого стали впоследствии называть сократическим методом.*

Сократ был мастером устного общения. С каждым встречным человеком он затевал беседу с целью заставить его задуматься о своих беспечно применяемых понятиях. Подбирая определенные вопросы, Сократ помогал собеседнику «родить» ясное и отчетливое знание. Он любил говорить, что продолжает в области логики и нравственности дело своей матери – повивальной бабки. Впоследствии стали говорить, что тем самым *он стал пионером психотерапии, цель которой с помощью слова обнажить то, что скрыто за покровом сознания.*

Уже знакомая нам *формула Гераклита «познай самого себя» означала у Сократа обращенность не ко вселенскому закону (Логосу), а ко внутреннему миру субъекта, его убеждениям и ценностям, его умению действовать как разумному существу согласно пониманию лучшего.*

В методике Сократа таились идеи, сыгравшие через много столетий ключевую роль в психологических исследованиях мышления.

Во-первых, работа мысли ставилась в зависимость от задачи, создающей препятствие в ее привычном течении. Именно с такой задачей сталкивались вопросы, которые Сократ обрушивал на своего собеседника, вынуждая его тем самым задуматься в поисках ответа.

Во-вторых, работа ума изначально носила характер диалога.

Оба обозначенных признака: *а) детерминирующая тенденция, создаваемая задачей, и б) диалогизм, предполагающий, что познание изначально социально, поскольку коренится в общении субъектов, – стали в XX веке главными ориентирами экспериментальной психологии мышления. Сократ доказал принцип нераздельности мышления и общения (диалога)*.

После Сократа, в центре интересов которого выступила умственная деятельность индивидуального субъекта (её продукты и ценности), понятие о душе наполнилось новым предметным содержанием. Его составляли совершенно особые реалии, которых физическая природа не знает. Мир этих реалий стал сердцевиной философии главного ученика Сократа Платона.

Платон (428 - 347 г. до н.э.) создал в Афинах свой научно-учебный центр, названный Академией Геометрические фигуры, общие понятия, математические формулы, логические конструкции, изучаемые Платоном, являли собой умопостигаемые объекты, наделенные, в отличие от калейдоскопа чувственных впечатлений, незыблемостью и обязательностью для любого индивидуального ума. *Возведя эти объекты в особую действительность, Платон увидел в них сферу вечных идеальных форм, скрытых за небосводом в образе царства идей.*

Всё чувственно-воспринимаемое, начиная от неподвижных звезд до непосредственно ощущаемых предметов, – это лишь затемнённые идеи, их несовершенные слабые копии.

«*Всякое знание, согласно Платону, есть воспоминание. Душа вспоминает (для этого требуются специальные усилия) то, что ей довелось созерцать до своего земного рождения, когда она обитала в «мире идей»*.

Утверждая принцип первичности сверхпрочных общих идей по отношению ко всему происходящему в тленном телесном мире, Платон стал родоначальником философии идеализма.

Опираясь на опыт Сократа, доказавшего нераздельность мышления и общения (диалога), Платон сделал следующий шаг. *Он под новым углом зрения оценил процесс мышления, не получающий выражения в Сократовом внешнем диалоге. В этом случае, по мнению Платона, его сменяет диалог внутренний.*

«*Душа, – размышляя, ничего иного не делает, как разговаривает, спрашивая сама себя, отвечая, утверждая и отрицая*».

Феномен, описанный Платоном, известен современной психологии как *внутренняя речь, а процесс её порождения из речи внешней (социальной) получил имя «интериоризации»* (от латин. «interior» – внутренний). У самого Платона нет этих терминов. Тем не менее, перед нами феномен, прочно вошедший в состав нынешнего научного знания об умственном устройстве человека.

Дальнейшее развитие понятия о душе шло путем выделения в ней различных «частей» и функций. У Платона их разграничение приняло этический смысл.

Это пояснял платоновский *миф о вознице, правящем колесницей, в которую впряжены два коня: дикий, рвущийся идти собственным путем любой ценой, и породистый, благородный, поддающийся управлению. Возница символизировал разумную часть души, кони – два типа мотивов: низшие и высшие побуждения. Разум, призванный согласовать эти два мотива, испытывает, согласно Платону, большие трудности из-за несовместимости низменных и благородных влечений.*

В сферу изучения души вводились такие важнейшие аспекты, как *конфликт мотивов, имеющих различную нравственную ценность, и роль разума в его преодолении.* Через много столетий *версия о взаимодействии трех компонентов,* образующих личность как динамическую, раздираемую конфликтами и полную противоречий организацию, оживёт в психоанализе Фрейда.

Идеалистическое учение о душе в поздней античности развивали основатель неоплатонизма философ Плотин и основоположник христианской философии Августин «Блаженный».

Плотин (205-270 г. н.э.) утверждал принцип абсолютной нематериальности души. Он основал *учение о происхождении души от мировой в процессе эманации* (от лат. emanacio – истечение, исхождение*)* – излучение творческой деятельности бога, которая образует видимый мир с его последовательной, нисходящей лестницей ступеней совершенства. Одной из ступеней на этой лестнице является душа как предшествующее начало между сверхъестественным миром и материальными явлениями, которые являются последней ступенью. Признак же человеческого духа в природе души, которая проявляется в знании о себе самой.

Так, *Плотин выделил ещё одно направление души, а именно – обращённость на себя, на собственные, незримые действия и содержания*. Эта способность субъекта не только ощущать, чувствовать, помнить или мыслить, но обладать также внутренним представлением об этих функциях, получила название *рефлексии.* Она служит неотъемлемым «механизмом» деятельности сознания человека, соединяющим его ориентацию во внешнем мире с ориентацией в мире внутреннем, в «самом себе». *У Плотина психология впервые в её истории становится наукой о сознании, понятом как «самосознание».*

Св. Аврелий Августин (354-430 г. н.э.) *впервые обратил внимание на внутренний опыт и погрузился в изучение внутренней жизни человека*. Чтобы познать бога и божественное внутри человека, нужно через внутренний опыт познать душу.

«*Погружаясь в глубины своего внутреннего мира, человек ищет там не оригинальные неповторимые черты своей личности, но следы объективной истины. Погружаясь в себя, он должен преодолеть всё индивидуальное,*

относящееся к его личной неповторимости; в самопогружении он должен «превзойти самого себя» и выйти к абсолютной «трансцендентной» истине».

Душа, по мнению Св. Августина, имеет тройственное строение: *«быть» – память; «познавать» – ум; и «хотеть» – воля*. У Августина *воля становится решающим ядром человеческого существа, решающей побудительной силой и причиной изменений, происходящих с телом*. Так, из «отпечатков» (ощущений), которые сохраняют органы чувств, воля творит воспоминания. Тем самым он стал инициатором учения, названного волюнтаризмом.

Идея о внутреннем опыте, отличном от внешнего, но обладающим высшей истинностью, проповедовалась как истинность, которая даруется Богом. В дальнейшем трактовка внутреннего опыта, освобождённая от религиозной окраски, слилась с представлением об интроспекции как особом методе исследования сознания.

* * *

Знание о душе – от его первых зачатков на античной почве до современных систем – росло в зависимости от уровня знаний о внешней природе, с одной стороны, и от общения с ценностями культуры – с другой.

Философы до Сократа, размышляя о психических явлениях, ориентировались на природу. Они искали в качестве эквивалента этих явлений одну из её стихий, образующих единый мир, которым правят естественные законы. Великая взрывная сила этого направления мысли в том, что оно нанесло сокрушительный удар по древней вере в душу как особый двойник тела. После софистов и Сократа в объяснениях души наметился поворот к пониманию ее деятельности как феномена культуры. Ибо входящие в состав души абстрактные понятия и нравственные идеалы не выводимы из вещества природы. Они – порождения духовной культуры.

Для обеих ориентаций – и на природу, и на культуру – *душа выступала как внешняя по отношению к организму реалия, либо вещественная* (огонь, воздух и др.), *либо бесплотная* (средоточие понятий, общезначимых норм и др.). Шла ли речь об атомах (Демокрит) или об идеальных формах (Платон), предполагалось, что и одно, и другое заносится в организм извне, со стороны.

Концепция души как формы тела. Преодолел этот способ мышления, открыв новую эпоху в понимании души как предмета психологического знания, ***Аристотель*** (384-322 г. до н.э.). Не физические тела и не бестелесные идеи стали для него источником этого знания, но организм, где телесное и духовное образуют нераздельную целостность. Тем самым было покончено и с наивным анимистическим дуализмом, и с изощренным дуализмом Платона. *Аристотель выдвинул концепцию души как функции тела*, а не какого-то внешнего по отношению к ней феномена.

«*Душа, –* по *Аристотелю, это не самостоятельная сущность, а форма, способ организации живого тела, – это «двигатель», позволяющий живому существу реализовать себя».*

Аристотель был сыном медика при македонском царе и сам готовился к медицинской профессии. Семнадцатилетним юнцом пришел он в Афины к шестидесятилетнему Платону и несколько лет занимался в его Академии, с которой в дальнейшем порвал. Известная фреска Рафаэля «Афинская школа» изображает Платона указывающим рукой на небо, Аристотеля – на землю. В этих образах запечатлено различие в ориентациях двух великих мыслителей. Аристотель создал свою школу на окраине Афин, названную Ликеем (по этому названию в дальнейшем словом «лицей» стали называть привилегированные учебные заведения). Это была крытая галерея, где Аристотель, обычно прогуливаясь, вёл занятия.

По Аристотелю идейное богатство мира скрыто в чувственно воспринимаемых земных вещах и раскрывается в прямом, опирающемся на опыт, общении с ними.

«Правильно думают те, – говорил Аристотель своим ученикам, кому представляется, что душа не может существовать без тела и не является телом».

Кто же имелся в виду под теми, кто «правильно думают»? Очевидно, что не натурфилософы, для которых душа – это тончайшее тело. Но и не Платон, считавший душу паломницей, странствующей по телам и другим мирам. Решительный итог размышлений Аристотеля: *«Душу от тела отделить нельзя»*, – сразу делал бессмысленными все вопросы, стоявшие в центре учения Платона о прошлом и будущем души.

Выходит, что упоминая о тех, кто «правильно думает», Аристотель имел в виду собственное понимание, согласно которому *переживает, мыслит, учится не душа, а целостный организм. «Сказать, что душа гневается, – писал он, – равносильно тому, как если бы кто сказал, что душа занимается тканьем или постройкой дома».* Свои размышления и идеи о происхождении психического Аристотель изложил в известном своём трактате *«О душе».*

Центр души, по мнению Аристотеля, *находится в сердце, куда поступают впечатления, передаваемые от органов чувств. Эти впечатления образуют источник идей, которые, накапливаясь в течение всей жизни и сочетаясь между собой в результате рассудочного мышления, подчиняют себе поведение.*

Аристотель был и философ, и исследователь природы. Одно время он обучал наукам юношу Александра Македонского, который впоследствии приказал отправлять своему старому учителю образцы растений и животных из завоёванных стран. Накапливалось огромное количество фактов – сравнительно-анатомических, зоологических, эмбриологических и других, богатство которых стало опытной основой наблюдений и анализа поведения живых существ.

Психологическое учение Аристотеля строилось на обобщении биологических фактов. Вместе с тем, это обобщение привело к преобразованию главных объяснительных принципов психологии: *организации* (системности), *развития и причинности.*

Уже сам термин «организм» требует рассматривать его под углом зрения организации, то есть упорядоченности целого, которое подчиняет себе свои части во имя решения каких-либо задач. Устройство этого целого и его работа (функция) нераздельны. «Если бы глаз был живым существом, его душой было бы зрение», – говорил Аристотель.

«Душа организма – это его функция, работа».

Трактуя организм как систему, Аристотель выделял в ней *различные уровни способностей к деятельности.* Понятие о *способности,* введённое Аристотелем, было важным новшеством, навсегда вошедшим в основной фонд психологических знаний. Оно разделяло возможности организма (заложенный в нём психологический ресурс) и его реализацию на деле. При этом намечалась схема иерархии способностей как функций души:

а) *вегетативная* (она имеется и у растений); б) *чувственно-двигательная* (у животных и человека); в) *разумная* (присущая только человеку). *Функции души становились уровнями её развития.*

Функции души располагались в виде «лестницы форм», где из низшей и на её основе возникает функция более высокого уровня. Вслед за вегетативной (растительной) формируется способность, ощущать, из которой развивается способность мыслить. *Различие между чувственным восприятием и мышлением* было одной из первых психологических истин, открытых Аристотелем. При этом *каждый человек при его превращении из младенца в зрелое существо проходит те ступени, которые преодолел за свою историю весь органический мир*. Впоследствии это было названо *биогенетическим законом*.

Следуя принципу развития, Аристотель стремился найти звенья, ведущие от одной ступени к другой. В этих поисках *он открыл особую область психических образов, которые возникают без прямого воздействия вещей на органы чувств.* Сейчас их принято называть *представлениями памяти и воображения.* (Аристотель говорил о фантазии.) Эти образы подчинены опять-таки открытому Аристотелем *механизму ассоциации* – связи представлений.

Объясняя развитие характера, Аристотель утверждал, что *человек становится тем, что он есть, совершая те или иные поступки.*

Учение о формирование характера в реальных поступках, которые у людей как существ «политических» всегда предполагают нравственное отношение к другим, *ставило психическое развитие человека в причинную, закономерную зависимость от его деятельности.*

Изучение органического мира побудило Аристотеля придать новый импульс главному нерву аппарата научного объяснения – принципу причинности (детерминизма). Для Демокрита его образцом служило столкновение, соударение материальных частиц – атомов. Аристотель же наряду с этим типом причинности выделяет другие. Среди них – *целевую причину или «то, ради чего совершается действие»*.

«Конечный результат процесса (цель) заранее воздействует на его ход. Психическая жизнь в данный момент зависит не только от прошлого, но и от потребного будущего».

Это было новым словом в понимании её причин (детерминации). Таким образом, *Аристотель преобразовал ключевые объяснительные принципы психологии: системности, развития, детерминизма.*

Аристотелем было открыто и изучено множество конкретных психических явлений. Но так называемых «чистых фактов» в науке нет. Любой её факт по разному видится в зависимости от теоретического угла зрения, от тех категорий и объяснительных схем, которыми вооружён исследовательский ум. Обогатив эти принципы, *Аристотель представил совершенно новую, сравнительно с предшественниками, картину устройства, функций и развития души как формы тела.*

* * *

Мир культуры создал три «органа» постижения человека и его души: религию, искусство и науку. Религия строится на мифе, искусство – на художественном образе, наука – на организуемом и контролируемом логической мыслью опыте. Люди античной эпохи, обогащённые многовековым опытом человекопознания, в котором черпались как представления о характере и поведении богов, так и образы героев их эпоса и трагедий, осваивали этот опыт сквозь «магический кристалл» рационального объяснения природы вещей – земных и небесных. Из этих семян росло разветвлённое древо психологии как науки.

О ценности науки судят по ее открытиям. На первый взгляд летопись открытий, которыми способна гордиться античная психология, немногословна.

Одним из первых стало открытие Алкмеоном того, что органом души является головной мозг. Если отвлечься от исторического контекста, это выглядит невеликой мудростью. Стоит, однако, напомнить, что через двести лет после этого великий Аристотель считал мозг своего рода «холодильником» для крови, а душу со всеми её способностями воспринимать мир и мыслить помещал в сердце, чтобы по достоинству оценить нетривиальность алкмеонова вывода. Тем более, если учесть, что он не был умозрительной догадкой, а вытекал из медицинских наблюдений и экспериментов.

Конечно, в те времена возможности экспериментировать над человеческим организмом в том смысле, какой ныне принят, были ничтожны. Сохранились сведения, что ставились опыты над приговоренными к казни, над гладиаторами и т.п. Нельзя, однако, упускать из виду, что античные медики, врачуя людей и невольно изменяя их психические состояния, передавали от поколения к поколению сведения о результатах своих действий, об индивидуальных различиях. Не случайно, учение о темпераментах пришло в научную психологию из медицинских школ Гиппократа и Галена.

Не меньшее значение, чем опыт медицины, имели другие формы практики – политическая, юридическая, педагогическая. Изучение приёмов убеждения, внушения, победы в словесном поединке, ставшее главной заботой софистов, превратило в объект экспериментирования логический и грамматический строй речи. В практике общения Сократ открыл

(проигнорированный возникшей в XX веке экспериментальной психологией мышления) его изначальный диалогизм, а сократов ученик Платон – внутреннюю речь как интериоризованный диалог. Ему же принадлежит столь близкая сердцу современного психотерапевта модель личности как динамической системы мотивов, разрывающих её в неизбывном конфликте.

Открытие множества психологических феноменов связано с именем Аристотеля (механизм ассоциаций по смежности, сходству и контрасту, открытие образов памяти и воображения, различий между теоретическим и практическим интеллектом и др.).

Сколь скудной ни была эмпирическая ткань психологической мысли античности, без неё эта мысль не могла «зачать» традицию, приведшую к современной науке. Но никакое богатство реальных фактов не может обрести достоинство научного безотносительно к умопостигаемой логике их анализа и объяснения. Эта логика строится соответственно проблемной ситуации, задаваемой развитием теоретической мысли. В области психологии античность прославлена великими теоретическими успехами. К ним относятся не только открытие фактов, построение новаторских моделей и объяснительных схем. Были выявлены проблемы, веками направляющие развитие наук о человеке.

Каким образом интегрируются в нем телесное и духовное, мышление и общение, личностное и социокультурное, мотивационное и интеллектуальное, разумное и иррациональное и многое другое, присущее его бытию в мире? Над этими загадками бился ум античных мудрецов и испытателей природы, поднявших на неведанную дотоле высоту культуру теоретической мысли, которая, преобразуя данные опыта, срывала покров истины с видимостей здравого смысла и религиозно-мифологических образов.

Достоверность научного построения «картины души» росла со способностью теоретической мысли постичь, изучая самоочевидность психологических фактов, их сокрытые связи и причины. Смена представлений о душе отражает полную драматических коллизий работу этой мысли. Только история её работы раскрывает различные уровни постижения психической реальности, неразличимые за одним и тем же термином «душа», давшим имя нашей науке.

2.2. Психологическая мысль в Средние века

С крушением античного мира в Западной Европе господствующей идеологией феодального общества становится религия. Она культивировала презрение ко всякому знанию, основанному на опыте и рациональном анализе, внушала веру в непогрешимость церковных догматов и греховность самостоятельного, отличного от предписанного церковными книгами, понимания устройства и предназначения человеческой души.

Психология в Средние века приобретает этико-теологический мистический характер. Развитие положительных знаний о психике резко замедлилось. Изучение душевной жизни подчинялось задачам богословия: показать как дух человека понемногу возвышается до царства благодати.

Учение Аристотеля было опасно для диктатуры церкви. Его главная формула, согласно которой «душу от тела отделить нельзя», сразу же делала бессмысленными все вопросы о воскрешении, воздаянии, умерщвлении плоти и др. Сперва католическая церковь запретила Аристотеля, а затем стала «осваивать» его идеи, превратив в столпа богословия.

Схоластика. Фома Аквинский (1226-1274 гг.) самый видный схоласт, служитель церкви, система которого стала ведущим направлением католицизма, *решал задачу поддержания религиозного мировоззрения в условиях зарождающейся тяги к объяснению природы и её опытному изучению*. Папский престол поручил Фоме борьбу против восстановленного учения Аристотеля за Аристотеля в христианской интерпретации. Фома Аквинский учил:

«Душа одна. Она обладает бытиём, отличным от тела, нематериальным и индивидуальным (хотя и находится в теле). Душа выступает источником движения тела. Различаются способности, свойственные душе как таковой (разум и воля), а также растительные (вегетативные) и животные функции. Растительная и животная функции нуждаются в теле для деятельности в земной жизни. Соотношение между душой и телом рассматривается как соотношение формы и материи. Человеческая душа – низшая из тех чистых форм (поэтому она бессмертна) и высшая из форм второго рода (поэтому она – принцип всей органической жизни). Человеку выпадает на долю почётное призвание – соединить в себе оба круга бытия. Душа замкнута в себе, её природа божественна, её не касается разрушение тела, она бессмертна».

Через зачатие телу передаются только вегетативные и сензитивные явления, а Бог творит душу, наделяя её разумом и волей, и каждому телу даёт эту душу. Однако *Фома Аквинский в своём учении о познании первым выдвинул идею о том, что тело играет определённую роль в развитии души*.

Номинализм (от лат. «номен» – имя). Мыслители средневековья ***Дунс Скот*** (1265-1308 гг.) и ***В.Оккам*** (1300-1350 гг.), борясь с психологической конструкцией, данной Фомой Аквинским, в которой в душе человека различается множество душевных способностей, *рассматривают единую душу. А разнообразие направлений деятельности единой души различием её функций, называя их душевными силами (органами, способностями), разными названиями для различных актов одной души.*

Искателем новых путей в науке был философ ***Роджер Бэкон*** (1214-1292 гг.), который *провозгласил значение опытов и наблюдения в познании*. Однако опыт, по Р. Бэкону, даёт возможность познавать лишь тело, но бессилен познать душу. Для познания души нужно нечто другое, особый род вдохновения, некое внутреннее просветление, позволяющее постигать то, что не может открыть чувственное восприятие.

У Р. Бэкона даётся большой материал о зрительных нервах и зрительном восприятии, которое он объяснил из общих законов распространения, преломления и отражения света. Естественнонаучное

направление, развиваемое Бэконом, было важной линией развития материалистических идей средневековой философии.

Анатомия и медицина. Из всех областей естественнонаучного направления следует отметить развитие в разных странах медицины, анатомии и физиологии человека. Накапливался конкретный материал об анатомо-физиологических особенностях человеческого организма как основах душевной жизни. Особенная заслуга в этой области принадлежит арабам – мыслителям IX-XIII века, крупнейшими представителями которых являются ***Авиценна*** (Ибн Сина), ***Альгазен***, ***Аверроэс*** (Ибн Рущд).

Авиценна *дал точное описание связи процессов ощущения и мышления с мозгом, наблюдая за нарушениями при ранениях мозга*. Это указывало на то, что духовные силы не существуют сами по себе, а нуждаются в органе, телесном субстрате, которым является мозг. Альгазен *развивал учение об ощущениях,* впервые обратив внимание на длительность психических актов, и указал на то, что между раздражением чувствующего аппарата и самим ощущением должен пройти известный промежуток времени, необходимый для передачи возбуждения по нервным проводникам. Аверроэс *развил учение Аристотеля о пассивном и активном разуме.*

В целом арабоязычные мыслители способствовали *становлению психобиологии и утверждению аристотелевской психологии*, развили дальше греческую философию и подготовили материализм XVIII века. В трудах этих учёных *проводилась мысль об обусловленности психических качеств естественными причинами, о зависимости психики от условий жизни и воспитания.*

2.3. Психологическая мысль эпохи Возрождения

В XIV-XVI веках в Европе начинается эпоха Возрождения, создавшая в дальнейшем великий рассвет цивилизации. Общество переходит в новую фазу развития, вырисовываются элементы новых отношений – раннекапиталистических.

Важнейшей особенностью эпохи возрождения является возрождение естественнонаучного направления, развитие науки и рост знаний. Возникает натурфилософия, свободная от непосредственного подчинения религии. Психологическая мысль постепенно освобождается от религиозного содержания.

Из видных деятелей европейского естественнонаучного направления эпохи Возрождения следует отметить анатомов и медиков ***Т. Парацельса*** (1493-1541 гг.), ***Андрея Визалия*** (1514-1564 гг.), ***Мигеля Сервета*** (1511-1553 гг.), ***М. Мальпиги*** (1628-1694 гг.), которые *выступили с новыми теориями о природе и строении человеческого организма, и открыли новую эпоху в анатомии и физиологии, заложив основу экспериментальной физиологии.*

Видный немецкий гуманист ***Филипп Меланхтон*** (1497-1560 гг.) в своём труде «Комментарии о душе» говорит о необходимости развития новой науки о душе. На основании его работ в 1590 году немецкие схоласты ***Р. Гокleниус*** и ***О. Кассман*** впервые *вводят термин «психология»*.

Новую эпоху в развитии мировой психологической мысли в конце открыли концепции, вдохновленные великим триумфом механики, астрономии и математики, благодаря открытиям ***Н. Коперника*** (1473-1543 гг.), ***И. Кеплера*** (1571-1630 гг.), ***Дж. Бруно*** (1548-1600 гг.) и ***Г. Галилея*** (1564-1642 гг.). Их значение состояло в том, что *они доказывали необходимость анализа действительных явлений и процессов, открытия законов, руководствуясь предположением, что природа повинуется самым простым правилам.*

Введённые понятия и объяснительные принципы создали геометро-механическую картину природы, в которую вписывалось и такое физическое тело как организм с его психическими свойствами. Назрела необходимость изгнания из науки анимистических представлений. Начинается систематическая работа теоретического научного мышления.

В связи с развитием анатомических и физиологических знаний о строении и работе тела, великими открытиями в различных областях науки и техники понятие души становится излишним для объяснения большей части явлений жизнедеятельности тела. Философ ***Френсис Бэкон*** (1561-1626 гг.) *намечает новую линию исследования души*. Он отказывается от изучения наиболее общих вопросов, касающихся природы души, и призывает перейти к эмпирическому описанию её процессов (способностей).

Эти два шага, сделанные Ф. Бэконом, *исключение из состава души органических функций и отказ от изучения души как особого предмета, подготавливали отмирание науки о душе и вместе с тем создавали предпосылки для составления новой науки о сознании. Ф. Бэкон развивает идеи о единой науке о человеке, составной частью которой является психология.*

Учение Ф. Бэкона оказало огромное влияние на все науки и сделало его родоначальником эмпирической науки, орудиями которой и методом научного исследования выступают логика и эксперимент.

2.4. Психологическая мысль Нового времени

Механодетерминизм. Понимание предмета психологии зависит от направляющих исследовательский ум объяснительных принципов, таких как причинность (детерминизм), системность, развитие. Все они, сравнительно с античностью, претерпели коренные изменения. В этом решающую роль сыграло внедрение в психологическое мышление образа конструкции, созданной руками человека, – машины.

Все прежние попытки освоить эти принципы сложились в наблюдениях и изучении нерукотворной природы, включая жизнедеятельность организма. Отныне посредником между природой и познающим её субъектом выступила независимая от этого субъекта, внешняя и по отношению к нему и по отношению к природным телам искусственная конструкция.

Создание искусственных объектов, деятельность которых причинно объяснима из их собственной организации, внедряло в теоретическое мышление особую форму детерминизма – механическую (по типу автомата) схему причинности или *механодетерминизм.*

Первый набросок психологической теории, ориентированной на новую механику, принадлежал французскому математику, естествоиспытателю и философу ***Рене Декарту*** (1596-1650 гг.). *Он изобрел теоретическую модель организма как автомата – системы, которая работает механически.* Тем самым, живое тело, которое во всей прежней истории знаний рассматривалось как одушевленное, т.е. одарённое и управляемое душой, освобождалось от её непосредственного влияния и вмешательства.

Декарт основал теорию дуализма, двойственности человеческой организации, где тело представлялось как материально-пространственная часть, а душа – часть разумная, обладающая мышлением и управляющая поведением.

Отныне различие между неорганическими и органическими телами объяснялось по критерию отнесённости последних к объектам, действующим по типу простых технических устройств.

Второе достижение, принадлежащее Декарту, в том, что он ввёл понятие о рефлексе, ставшее фундаментальным для физиологии и психологии. Декарт отважился покончить с душой на уровне внешней регуляции деятельности организма, обращенной к окружающей среде. Именно поэтому через три столетия И.П. Павлов, следуя этой стратегии, распорядился поставить бюст Декарта у дверей своей лаборатории. Мы вновь сталкиваемся с принципиальным для понимания прогресса научного знания вопросом о соотношении теории и опыта (эмпирии).

Достоверное знание об устройстве нервной системы и её отправлениях было в те времена ничтожно. Декарту эта система виделась в форме «трубок», по которым проносятся легкие воздухообразные частицы, которые он называл «животными духами». Свои соображения о функционировании человеческой «машины» Декарт изложил в труде «Трактат о человеке».

Схема рефлекса Декарта полагала, что внешний импульс приводит эти «духи» в движение, занося их в мозг, откуда они автоматически отражаются к мышцам. Происходит реакция, подобная отражению светового луча от поверхности. Появившийся после Декарта термин «рефлекс» и означал отражение.

Реакция мышц – неотъемлемый компонент поведения. Поэтому *декартова схема,* несмотря на ее умозрительный характер, относится к разряду великих открытий. Она *открыла рефлекторную природу поведения, объяснив его без обращения к душе как движущей телом силе.*

Декарт надеялся, что со временем не только простые движения (такие, как защитную реакцию руки на огонь или зрачка на свет), но и самые сложные удастся объяснить открытой им физиологической механикой.

В своей схеме устройства телесного механизма Декарт предусмотрел перестройку поведения, которое, и в отличие от обычных автоматов, выступает

как обучающаяся система. Она действует по своим законам и «механическим» причинам, знание которых позволит людям властвовать над собой.

«Так как при некотором старании можно изменить движения мозга у животных, лишенных разума, то очевидно, что это ещё лучше можно сделать у людей, и что люди даже со слабой душой могли бы приобрести исключительно неограниченную власть над своими страстями».

Не усилие духа, а перестройка тела на основе строго причинных законов его механики обеспечит человеку власть над собственной природой, подобно тому, как эти законы могут сделать его властелином внешней природы.

Одно из важных для психологии сочинений Декарта называлось «Страсти души». Этот оборот следует пояснить, так как и слово «страсть», и слово «душа» наделены у Декарта особыми смыслами. Под «страстями» подразумевались не сильные и длительные чувства, а «страдательные состояния души», – все, что она испытывает, когда мозг сотрясают «животные духи» (прообраз нервных импульсов), которые приносятся туда по нервным «трубкам».

Иначе говоря, не только такие мышечные реакции как рефлексы, но и различные психические состояния возникают автоматически, производятся телом, а не душой.

Декарт набросал проект «машины тела», к функциям которой относятся: «восприятие, запечатление идей, удержание идей в памяти, внутренние стремления, и эти функции происходят в этой машине в силу расположения её органов: они совершаются как движение часов или другого автомата.

Веками до Декарта вся деятельность по восприятию и обработке психического «материала» считалась производимой особым агентом, черпающим свою энергию за пределами вещного, земного мира – душой. Теперь же доказывалось, что телесное устройство и без неё способно успешно справляться с этой задачей.

Декарт не лишает душу прежней царственной роли во вселенной, а возводит в степень субстанции (сущности), которая не зависит ни от чего другого, стало быть, равноправной великой субстанции природы.

Душе предназначено иметь самое прямое и достоверное, какое только может быть, знание субъекта о собственных актах и состояниях, незримых ни для кого другого. *Душа определялась по единственному признаку – непосредственной осознаваемости своих явлений, которые в отличие от явлений природы лишены протяженности.*

Тем самым, *произошёл поворот в понятии о «душе», ставший опорным для следующей главы в истории построения предмета психологии. Отныне этим предметом становится сознание.*

По Декарту началом всех начал в философии и науке является сомнение. Следует сомневаться во всем – естественном и сверхъестественном. Однако никакой скепсис не устоит перед суждением: «Я мыслю». А из этого неумолимо следует, что существует и носитель этого суждения – мыслящий субъект. Отсюда знаменитый декартов афоризм «cogito ergo sum» *(мыслю – следовательно существую). Поскольку же мышление – единственный атрибут*

души, она всегда мыслит, всегда знает о своих психических содержаниях, зримых изнутри. В дальнейшем это «внутреннее зрение» стали называть *интроспекцией* (видением внутрипсихических «объектов» – образов, умственных действий, волевых актов и других переживаний), а декартову концепцию сознания – *интроспективной.*

Признав, что машина тела и занятое собственными мыслями (идеями) и хотениями сознание – это две независимые друг от друга сущности (субстанции), Декарт столкнулся с необходимостью объяснить, как же они сосуществуют в целостном человеке? Решение, которое он предложил, было названо *психофизическим взаимодействием*.

Тело влияет на душу, пробуждая в ней «страдательные состояния» (страсти) в виде чувственных восприятий эмоций и т.п. Душа, обладая мышлением и волей, воздействует на тело, понуждая эту «машину» работать и изменять свой ход.

Декарт искал в организме орган, где бы эти две несовместимые субстанции все же могли общаться. Он предложил считать таким органом одну из желёз внутренней секреции – «шишковидную» (эпифиз). Это эмпирическое «открытие» никто тогда всерьёз не принял. Однако теоретический вопрос о взаимодействии «души и тела», в декартовой постановке, поглотил интеллектуальную энергию множества умов.

Освобождение живого тела от души было поворотным событием в научных поисках реальных причин всего, что совершается в живых системах, в том числе возникающих в них психических эффектов (ощущений, восприятий, эмоций). Но с этим у Декарта был сопряжен другой поворот: *не только тело освобождалось от души, но и душа (психика) в ее высших проявлениях освобождалась от тела.* Тело может только двигаться, душа – только мыслить.

Принцип работы тела – рефлекс. Принцип работы души – рефлексия (от лат. «обращение назад»). В первом случае мозг отражает внешние толчки. Во втором – сознание отражает собственные мысли.

Через всю историю психологии проходит контроверза души и тела. Декарт, подобно множеству своих предшественников (от древних анимистов, Пифагора и Платона), их противопоставил. Но им была создана новая форма дуализма. Оба члена отношения – и тело, и душа – приобрели содержание, неведомое прежним эпохам.

Монизм. Попытки справиться с декартовым дуализмом предприняла когорта великих мыслителей XVII века. Их искания имели один вектор – *утвердить единство мироздания, покончив с разрывом телесного и духовного, природы и сознания.*

Одним из первых оппонентов Декарта был голландский философ ***Бенедикт Спиноза*** (1632-1677 гг.). *Он учил, что имеется единая, вечная субстанция – Бог или Природа – с бесконечным множеством атрибутов (неотъемлемых свойств). Из них нашему ограниченному разумению открыты только два атрибута – протяженность и мышление.* Из этого явствовало, что бессмысленно представлять человека по-декартовски как место встречи двух субстанций.

Человек – целостное телесно-духовное существо. Убеждение в том, что тело по мановению души движется или покоится, сложилось из-за незнания того, к чему оно способно как таковое «в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной».

Никто из мыслителей не осознал с такой остротой как Спиноза, что декартовский дуализм коренится не столько в сосредоточенности на приоритете чуждой всему материальному души (это веками служило основанием бесчисленных религиозно-философских доктрин), сколько во взгляде на организм как машинообразное устройство. *Тем самым, механический детерминизм, определивший вскоре крупные успехи психологии, оборачивался принципом, который ограничивает возможности тела в причинном объяснении психических явлений.*

Все последующие концепции были поглощены пересмотром декартовой версии о сознании как субстанции, которая является причиной самой себя, о тождестве психики и сознания и др. Из исканий Спинозы явствовало, что пересматривать следует также и версию о теле (организме) с тем, чтобы придать ему достойную роль в человеческом бытии.

Попытку построить психологическое учение о человеке как целостном существе запечатлел его главный труд «Этика». *В нём он поставил задачу объяснить все многообразие чувств (аффектов) как побудительных сил человеческого поведения* с такой же точностью и строгостью, как линии и поверхности в геометрии.

Спиноза выделял *три главные побудительные силы, это: а) влечение, которое, относясь и к душе, и к телу, есть «ни что иное, как самая сущность человека», а также б) удовольствие* и *в) неудовольствие*. Доказывалось, что из этих фундаментальных аффектов выводится всё многообразие эмоциональных состояний. Причём удовольствие увеличивает способность тела к действию, тогда как неудовольствие её уменьшает.

Этот вывод противостоял декартову разделению чувств на две категории: коренящиеся в жизни организма и чисто интеллектуальные. В учении Спинозы содержится, образуя её самое глубокое и внутреннее ядро, единство причинного объяснения и проблема жизненного значения человеческих страстей, единство описательной и объяснительной психологии чувства. Спиноза поэтому связан с самой насущной, самой острой злобой дня современной психологии эмоций.

Немецкий философ и математик ***Г. Лейбниц*** (1646-1716 гг.), который открыл дифференциальное и интегральное исчисление, высказал иное мнение о единстве телесного и психического. *Основанием единства этот мыслитель считал некое духовное начало.*

Мир состоит из бесчисленного множества монад (от греч. «монос» – единое). Каждая из них «психична» и наделена способностью воспринимать всё, что происходит во Вселенной.

Тем самым было перечеркнуто декартово равенство психики и сознания. Согласно Лейбницу, «убеждение в том, что в душе имеются лишь такие восприятия, которые она сознает, является источником величайших заблуждений».

В душе непрерывно происходит незаметная деятельность «малых перцепций» (неосознаваемых восприятий). Осознание же восприятия становится возможным благодаря тому, что к простой перцепции (восприятию) присоединяется особый психический акт – апперцепция, включающий внимание и память.

Под термином «малые перцепции» Лейбниц впервые обозначил *неосознаваемые субъектом восприятия, т.е. бессознательную психику.*

На вопрос о том, как соотносятся между собой духовные и телесные явления, Лейбниц ответил формулой, известной как *психофизический параллелизм*. Они не могут, вопреки Декарту, влиять одно на другое. Зависимость психики от телесных воздействий – это иллюзия. *Душа и тело совершают свои операции самостоятельно и автоматически.* Однако божественная мудрость сказалась в том, что между ними существует предустановленная гармония. Они подобны паре часов, которые всегда показывают одно и то же время, так как запущены с величайшей точностью.

Доктрина психофизического параллелизма нашла многих сторонников в годы становления психологии как самостоятельной науки. Идеи Лейбница изменили и расширили представление о психическом. *Его понятия о бессознательной психике, «малых перцепциях» и апперцепции прочно вошли в научное знание о предмете психологии.*

Эмпиризм (от гр. «empeiria» – опыт). Другое направление в критике дуализма Декарта связано с философией англичанина ***Томаса Гоббса*** (1588 - 1679 гг.). *Он начисто отверг душу как особую сущность.*

В мире нет ничего, кроме материальных тел, которые движутся по законам механики, открытым Галилеем. Соответственно и все психические явления подводились под эти глобальные законы.

Материальные вещи, воздействуя на организм, вызывают ощущения. По закону инерции из ощущений в виде их ослабленного следа появляются представления. Они образуют цепи мыслей, следующих друг за другом в том же порядке, в каком сменялись ощущения.

Такая связь получила впоследствии имя *ассоциации*. Об ассоциации как факторе, объясняющем, почему данный психический образ вызывает у человека именно такое представление, а не другое, было известно со времен Платона и Аристотеля. Глядя на лиру, вспоминают игравшего на ней возлюбленного, – говорил Платон. Это ассоциация по смежности. Оба объекта воспринимались некогда одновременно, а затем появление одного повлекло за собой образ другого. Аристотель дополнил это описание указанием на два других вида ассоциаций (сходство и контраст). Но для Гоббса – детерминиста галилеевской закалки – в устройстве человека действует только один закон – механического сцепления психических элементов по смежности.

Ассоциации принимали за один из основных психических феноменов Декарт, Спиноза и Лейбниц. Но все они считали их низшей формой познания и действия по сравнению с высшими, к которым относили мышление и волю. Гоббс первым придал ассоциации силу универсального закона психологии, которому безостаточно подчинены как абстрактное рациональное познание, так и произвольное действие.

Произвольность – это иллюзия, которая порождена незнанием причин поступка (такого же мнения придерживался Спиноза). Во всём царит строжайшая причинность. Важной для будущей психологии также стала беспощадная критика Гоббсом версии Декарта о «врождённых идеях», которыми человеческая душа наделена до всякого опыта и независимо от него.

До Гоббса в психологических учениях царил *рационализм* (от лат. «rationalis» – разумный). Основой познания и присущего людям способа поведения считался разум как высшая форма активности души. Гоббс же провозгласил разум продуктом ассоциации, имеющей своим источником прямое чувственное общение организма с материальным миром.

За основу познания был принят опыт, а рационализму противопоставлен эмпиризм. Под девизом опыта возникла *эмпирическая психология*.

В разработке эмпирической психологии видная роль принадлежала соотечественнику Гоббса англичанину ***Джону Локку*** (1632-1704 гг.). Как и Гоббс, *он исповедовал опытное происхождение всего состава человеческого сознания. В самом же опыте выделил два источника: ощущение и рефлексию.*

Наряду с идеями, которые доставляют органы чувств, возникают идеи, порождаемые рефлексией как «внутренним восприятием деятельности нашего ума». Развитие психики происходит благодаря тому, что из простых идей создаются сложные. Все идеи предстают перед судом сознания.

«Сознание есть восприятие того, что происходит у человека в его собственном уме». Тем самым Локк обосновал закон ассоциации идей.

Это понятие стало краеугольным камнем психологии, названной *интроспективной*. Считалось, что объектом сознания служат не внешние объекты, а идеи (образы, представления, чувства и т.д.), какими они являются «внутреннему взору» наблюдающего за ними субъекта.

Из подобного, наиболее отчетливо и популярно разъясненного Локком постулата, возникло в дальнейшем понимание предмета психологии. *Отныне на место этого предмета претендовали явления сознания, которые порождают два опыта, – внешний, исходящий от органов чувств, и внутренний, накапливаемый собственным разумом индивида.*

Элементами этого опыта («нитями», из которых соткано сознание) считались идеи, которыми правят законы ассоциации. Под знаком этой картины сознания складывались психологические концепции последующих десятилетий. Они были пронизаны духом дуализма новейшего времени. За этим дуализмом в теории стояли реалии социальной жизни, общественной практики. С одной стороны – научно-технический прогресс, сопряженный с великими теоретическими открытиями в науках о физической природе и

внедрением механических устройств. С другой – самостоятельность человека как личности, которая, хотя и сообразуется с промыслом Всевышнего, но способна иметь опору в собственном разуме, сознании, понимании.

Эти *непсихологические факторы обусловили обращённость к внутреннему опыту сознания.* Именно эти два решающих признака в их нераздельности определили отличие психологической мысли нового времени от всех её предшествующих витков.

* * *

Как и прежде, объяснение психических явлений зависело от знания о том, как устроен физический мир и какие силы правят живым организмом. Речь идет именно об объяснении, адекватном нормам научного познания, ибо в практике общения люди руководствуются житейскими представлениями о мотивах поведения, умственных качествах, влияниях погоды на расположение духа, или влияниях расположения планет на характер и т.п.

Для великих ученых XVII века научное познание психики как познание причин явлений имело в качестве непреложной предпосылки обращение к телесному устройству. Но представления об устройстве и функциях организма были крайне скудными и во многом фантастическими. Приверженцы нового направления, выступившие под девизом эмпирической психологии, ограничивались описанием ощущений, ассоциаций и т.д. как фактов внутреннего опыта, забыв о родословной этих понятий. Они отринули веками царившее убеждение, будто психическая реальность производится особой сущностью – душой, обратившись к законам и причинам, действующим в телесном, земном мире. Знание же об этих законах природы было почерпнуто не во внутреннем опыте наблюдающего за собой сознания. Истинным источником являлся общественно-исторический опыт, обобщенный в научных теориях нового времени.

XVII век радикально повысил планку критериев научности. Он преобразовал объяснительные принципы, доставшиеся ему от прежних веков. Созданные в лоне механики понятия о рефлексе, ощущении, представлении, ассоциации, аффекте, мотиве вошли в основной фонд научных знаний. Эти понятия заимствовали свой строй в новой детерминистской трактовке организма как «машины тела». Схема этой машины являлась умозрительной. Она не могла пройти испытание опытом. Между тем именно опыт в сочетании с новым способом рационального объяснения его свидетельских показаний определил успехи нового естествознания.

2.5. Психологическая мысль эпохи Просвещения и первой половины XIX века

В XVIII в Европе нарастал процесс дальнейшего укрепления капиталистических отношений. Глубокие политико-экономические изменения произошли в Англии, Германии, Франции. Социальные сдвиги укрепляли, в противовес всесилию церкви, новые идеологические подходы. Расширялось и крепло движение, названное Просвещением.

Мыслители, представляющие это течение, считали главной причиной всех человеческих бед невежество и религиозный фанатизм. Они требовали покончить с суевериями, со слепой религиозной верой, желая утвердить в умах людей взамен ложного знания научное, проверенное опытом и разумом, укрепляющее в психологии позиции материализма.

Английский физик и математик ***И. Ньютон*** (1643-1727 гг.) *создал новую механику, повсеместно воспринятую как образец точного знания, и построил динамическую картину природы.*

Ассоцианизм. Восприняв идеи Д. Локка об опытном происхождении душевной жизни, по ньютоновскому образцу английский врач ***Д. Гартли*** (1705-1757 гг.) представил и психический мир человека. Он развил учение о психике как естественном начале, а также представление об ассоциациях и дал первую законченную систему ассоциативной психологии.

Все духовные способности объясняются им через обращение к органической структуре мозга. Существуют три основных простейших элемента душевной жизни: ощущения (сенсации), идеации (повторение ощущений без предметов) и аффекции (удовольствие и неудовольствие). Из этих трёх элементов строится душевная жизнь с помощью механизма ассоциации.

В основе, как элементов, так и психологического механизма ассоциаций лежат вибрации, т.е. материальные физиологические процессы, возникающие в веществе нервов и мозга в результате внешних воздействий. Вибрации эти различны и им соответствуют разнообразные идеи, ощущения, представления и чувствования человека. Из них же по механизму ассоциации и образуются все психические явления. Таким образом, ассоциации являются пассивным отражением нервных связей в мозгу.

Гартли дал естественное объяснение происхождения психических явлений. Эмоции, воля, интеллект, восприятие, память и воображение - все они выводятся из внешних впечатлений их взаимных связей посредством ассоциаций.

Английский философ ***Дж. Беркли*** (1685-1753 гг.), основываясь на учении, что источником знания служит образуемый ассоциациями чувственный опыт человека, *выдвинул теорию зрительного восприятия пространства, принимая за первичное не физическую реальность, не жизнедеятельность организма, а феномены сознания.*

Согласно Беркли, *опыт – это непосредственно испытываемые субъектом ощущения: зрительные, мышечные и осязательные.*

Расстояние, т.е. удалённость предметов, их величина и положение в пространстве друг относительно друга глазом не воспринимаются. Пространственные характеристики даются человеку посредством мышечных ощущений, возникающих от поворота глаз и от напряжения его мышц. Зрение и осязание вступают в связь (ассоциацию), которая становится привычной в силу частых повторений. Поэтому впоследствии собственно осязаемые качества – расстояние, величина, фигура – начинают восприниматься и зрительно.

Таким образом, по мнению Беркли, зрительное (также и слуховое) восприятие есть комбинация зрительных (слуховых) и осязательных ощущений.

Соотечественник и последователь Беркли философ ***Д. Юм*** (1711-1776 гг.) *развил понятие ассоциации и попытался представить всё человеческое познание как ассоциацию идей. Он дал следующую классификацию ассоциаций: ассоциации по смежности в пространстве или во времени* (сочетание случайных и неправильных идей) *и ассоциации по сходству и причинности* (сочетание идей естественных и правильных).

Все эти ассоциации встречаются в повседневной жизни. Они же лежат в основе научного мышления. А причинно-следственные отношения сводятся к привычной последовательности явлений и устанавливаются в опыте человека.

Скептицизм Юма «пробудил» многих мыслителей и заставил задуматься о своих убеждениях, касающихся души, причинности и др. Ведь эти убеждения принимались ими без критического анализа.

Английский ассоцианизм XVIII века, как в материалистическом, так и в идеалистическом вариантах, направлял искания многих западных психологов двух последующих веков. Ценные идеи Беркли и Юма были в дальнейшем развиты в эмпирической психологии школой В. Вундта.

В XIX веке ассоцианизм развивался в соединении с философией позитивизма благодаря деятельности выдающихся философов и учёных Т. Брауна, Д. Милля, Д.С. Милля, А. Бэна, Г. Спенсера.

Шотландский философ ***Томас Браун*** (1778-1820 гг.) ввёл вторичные законы ассоциаций, *учение о дополнительных факторах, объясняющих возникновение той или иной ассоциации: силы исходного ощущения, новизны, близости, природной способности индивида, состояния его здоровья и др.*

Браун также предпринял попытку анализа мышления как процесса решения задач, основанного на ассоциациях.

Задача вызывает беспорядочные ассоциации, одна из которых соответствует решению.

По отношению к ассоциациям он признаёт, что основания для них лежат в человеческом мозгу. *Ассоциации – это простые внушения. Все остальные связи представляют собой операции духа и называются относительными внушениями.*

Относительные внушения, которыми объясняются все операции ума, протекают как деятельность сравнения. В сравнении выделяются следующие компоненты: две или более идеи как объекты сравнения, чувство отношения между ними (сходство, контраст) и чувство произвольности, т.е. намерение или желание найти это отношение.

Единственным методом изучения ассоциаций Браун признаёт *самонаблюдение*, развивая идеи виртуального анализа в ассоциативной психологии.

Английский историк и экономист ***Джеймс Милль*** (1773-1836 гг.), опираясь на учение Гартли, *ставил перед собой цель – способствовать наилучшему развитию душевных способностей и сил при воспитании.*

Д. Милль *сводил всю психологическую мысль к ощущениям, представлениям и ассоциациям идей:*

«В психическом мире есть только одно явление – ощущение, и только один закон – ассоциации. Ощущения, идеи, ассоциации, изменяясь бесчисленными способами и группируясь, составляют механизм человеческого духа».

Впоследствии, он *выделил две причины закрепления ассоциаций: живость ассоциируемых ощущений и частоту их повторения. И на основании этого сформулировал общий закон ассоциаций*:

«Идеи зарождаются и существуют в том порядке, в котором существовали ощущения как их оригиналы. Поэтому ассоциации могут быть только одновременные или последовательные. Восприятия объектов построены из одновременных ассоциаций. Последовательные ассоциации проявляют себя в обычной последовательности слов и мыслей».

Используя в трактовке психики механицизм, Д. Милль *построил ментальную механику, т.е. теорию сложных ментальных соединений по типу механики.*

Сын Д. Милля, философ и экономист ***Джон Стюарт Милль*** (1806-1873 гг.) пересмотрел основные положения о предмете и методе ассоциативной психологии и заложил основы вступления в новый этап развития ассоцианизма.

«Ощущения происходят под воздействием внешнего предмета, в их основе лежат физиологические процессы. Мысль есть такой же результат нервной деятельности, как и ощущение. Только кажется, будто одна мысль вызывает другую посредством ассоциации; на самом же деле вовсе не мысль вызывает мысль: Ассоциация существовала не между двумя мыслями, а между двумя состояниями мозга, предшествующими разным мыслям. Одно из этих состояний вызывает другое, причём наличность каждого из них является следствием особого состояния сознания».

Отсюда Д.С. Милль сделал вывод, что *не существует самостоятельных психических (оригинальных) законов – «законов духа», психология есть просто ветвь физиологии, высшая и наиболее трудная для изучения».*

Александр Бэн (1818-1903 гг.), используя достижения биологии, физиологии нервной системы и органов чувств стремился вслед за Д.С. Миллем возможно теснее связать психические процессы с телесной организацией и считал, что в психологии необходимо применять методы естественных наук.

Объясняя возникновение произвольных движений, Бэн вводит представление о спонтанной активности нервной системы, проявлением которой являются спонтанные движения.

«Когда какое-либо движение более одного раза совпадает с состоянием удовольствия, то удерживающая сила духа устанавливает между ними ассоциации. Отсюда вычленяются движения, приводящие к целесообразным актам. Из связи разных обстоятельств с движениями образуется всё многообразие человеческого поведения – навыки».

Эти взгляды Бэна получили впоследствии отзвук в учении о формировании навыков Э. Торндайка и в эволюционной теории Ч. Дарвина.

Философ ***Герберт Спенсер*** (1820-1903 гг.) в своих работах *сблизил ассоциативную психологию с биологической эволюцией и создал эволюционный ассоционизм.*

Спенсер *сформулировал общий закон эволюции*, который распространил на всю Вселенную – неорганическую природу, органическую природу и надорганическую природу (социальную жизнь).

«Повсюду во Вселенной развитие идёт от рассеянного к сплочённому, интегрированному, т.е. характеризуется концентрацией; от однородного к разнородному, т.е. характеризуется дифференциацией; от неопределённого к определённому, индивидуальному».

Этот закон Спенсер применил и к пониманию психики, считая, что *психику можно понять исключительно только через анализ её развития.* Принцип ассоциации является законом, лежащим в основе психического развития.

«Внешние отношения и связи производят связи внутренние. Они образуются в индивидуальном опыте, их продуктом являются ощущения, чувства, автоматические процессы – привычки».

«В процессе эволюции происходит постепенная дифференциация психической жизни от жизни физической, постепенное же возрастание сложности психической жизни происходит в результате приспособления к среде обитания».

В процессе этого приспособления внутренних отношений к внешним образуются *безусловные рефлексы, инстинкты, а также некоторые знания и умения, когда к индивидуальному опыту присоединяется наследственный опыт предшествующих поколений, закреплённый в нервной системе. Чувства и воля также возникают из низших форм психической деятельности, сопутствуя актам познания с участием сознания. Интеллект (память и мышление) – высшая форма душевного развития, с помощью которого приспособление расширяется в пространстве и во времени, возрастает его специализация, точность и сложность.*

Итак, человеческую психику Спенсер рассматривает как продукт биологической и социальной эволюции в результате приспособления к среде, за счёт закрепления в психике индивидуального и наследственного опыта. Эти положения развил впоследствии американский психолог-функционалист У. Джеймс.

Ассоцианизм, развиваясь, всё более обнаруживал свою теоретическую несостоятельность. Это направление было замкнуто в сознании и не открывало путей для его объективного исследования. В ассоцианизме оказались неразрешимыми такие центральные проблемы, как духовное развитие человека, источники психической активности и поведения, личность, осмысленные продуктивные процессы мышления. При этом само явление ассоциации и понятие о нём вошло и в современную психологию.

Французский материализм. У истоков французской эмпирической психологии стояли крупнейшие мыслители – философы – материалисты и атеисты Э. Кондильяк, Ж. Ламетри, П. Кабанис, К. Гельвеций, П. Гольбах, Д. Дидро, Ш. Бонне, Ш. Монтесье и Ж.Ж. Руссо. Наиболее существенные черты французской эмпирической психологии, в отличие от английской, – внимание к проблемам активности человеческого сознания и указание на его обусловленность общественными условиями.

Э. Кондильяк (1715-1780 гг.) отвергая производимое Локком различение двух источников опыта и признавая только один – ощущение, в своём «Трактате об ощущениях» *ставил целью показать эмпирическое происхождение психических способностей: внимания, памяти, рассуждения, воображения и воли.*

Все деятельности души суть изменённые ощущения и их превращения. Сравнение одного ощущения с другим определяет работу психики. Человек есть не что иное, как то, что он приобрёл.

Опираясь на новейшие успехи в медицине и естествознании врач и философ ***Ж. Ламетри*** (1709-1751 гг.), защищал естественнонаучный подход к проблеме человека и его психике. *Отвергая дуализм Декарта, он приписывает материи наряду с протяжённостью и способностью к движению, способности к ощущению и мышлению.*

Нет души как особой субстанции: сама организация мозговой ткани свободно вызывает эти свойства (активность, чувствительность, мышление).

В дальнейшем врач и философ ***П. Кабанис*** (1757-1808 гг.) *выдвинул формулу, согласно которой мышление – это функция мозга.*

Сознание – это функция мозга. Только обладающий мозгом человек способен мыслить, сознавать происходящее. К внешним продуктам мозговой деятельности относится выражение мысли в словах и жестах. За самой же мыслью скрыты неизвестные нервные процессы.

Отстаивая принцип возникновения мира духовного из мира физического, философы ***К. Гельвеций*** (1715-1771 гг.), ***П. Гольбах*** (1723-1789 гг.) и ***Д. Дидро*** (1713-1784 гг.) трактовали наделённого психикой человека как продукт внешних воздействий и естественной истории.

Гельвеций утверждал, что *неравенство человеческих умов зависит от различий организации, т.е. от природы и условий воспитания.* Он ставил вопрос о связи между умом и географическими условиями, расовыми различиями между людьми, пищей и темпераментом.

Человек рождается со способностью ощущать и сохранять ощущения, т.е. с памятью. И только из ощущений формируются интеллектуальные способности. Все умственные операции сводятся к ощущению.

Таким образом, с психологической точки зрения *все люди обладают одинаковыми предпосылками для развития своих умственных способностей. А то, как они в действительности разовьются,* по мнению Гельвеция, *является результатом следующих причин: разного положения, в котором они*

находятся, и того стечения обстоятельств, которое называется случаем, а также большего или меньшего стремления человека к своему развитию.

Неравенство умов можно объяснить воспитанием, ибо воспитание делает человека тем, чем он является.

Гельвеций далёк от научного понимания общества, и всё же указания на влияние общества на человека важны и подводили к новой для эмпирической психологии проблеме общественно-исторической обусловленности психики.

Д. Дидро высказал ряд материалистических диалектических идей в понимании познания, природы человеческих интересов и страстей. *Он дал трактовку способностей, в которой отошёл от позиции Гельвеция, и признал их врождённость, указывая на специфику мышления в соотношении между ощущением и разумом.*

Просветитель ***Ш. Монтескье*** (1689-1775 гг.) в своей книге «О духе законов», занесённой католической церковью в список запрещённых, *утверждал, что людьми правят законы, которые, в свою очередь, зависят от условий жизни общества, прежде всего географических. Важная роль отводилась этническим особенностям населения, характеру народа.*

Писатель и философ ***Ж.Ж. Руссо*** (1712-1778 гг.) *доказывал, что культура и цивилизация ухудшали моральный облик человека и не принесли ему счастья. Руссо – автор интересной системы воспитания человека как существа доброго, способного испытывать сострадание*, которую он изложил в своих романах-трактатах «Эмиль, или О воспитании» и «Новая Элоиза». Эта система и представления о психическом развитии ребёнка получили высокую оценку в науке.

Большое влияние на формирование материалистических традиций во французской психологии оказал естествоиспытатель и философ ***Ш. Бонне*** (1720-1793 гг.). Его психология, изложенная в труде «Опыт анализа душевных способностей» (1760 г.), сходна с психологией Гартли.

Французские материалисты сыграли большую позитивную роль в интеллектуальной жизни Европы. *Они отстаивали идею целостности человека, нераздельной связи его телесно-духовного бытия с окружающей средой – природной и социальной. Они культивировали веру в способность чувственного опыта служить единственным гарантом рационального знания о внешнем мире.*

Немецкий эмпиризм. Во второй половине XVIII века в Германии намечается тенденция к изучению фактов, конкретных эмпирических явлений в отношении человека и приоды.

Немецкий философ ***Х. Вольф*** (1679-1754 гг.) систематизировал и популяризовал работы Лейбница. Его система была компромиссом между эмпирическими и рационалистическими психологическими идеями.

В рамках рациональной психологии Вольф выдвинул *теорию способностей, различая в душе познавательные и желательные способности.* Желательные способности объявлялись производными от познавательных.

«Из познавательного акта сначала возникает удовольствие или страдание, потом суждение о достоинстве объекта и, наконец, стремление к объекту. Оно возникает из сознания его доброкачественности или отвращения к объекту. Более сильные проявления чувств называются аффектами».

Психологию Вольфа подверг критике немецкий философ ***Иммануил Кант*** (1724-1804 гг.). Его считают основателем трихотомии души. *Он отличал познавательные способности души от способности чувствовать удовольствие и страдание и от желательной силы,* и представил свою классификацию способностей в труде «Антропология» (1798 г.).

«... разница между желанием (желательной силой) и волей (познавательными способностями) и в том, что воля побуждается разумом, тогда как желание имеет источником чувствования, удовольствие и страдание».

Согласно Канту, познание начинается с воздействия предметов на человека, т.е. носит эмпирический характер. Из воздействий внешних вещей человек получает содержание познания.

«Необходимой предпосылкой познания, условием, на котором зиждется наше опытное знание, являются формы. Они априорны (абсолютно необходимы для всего существующего, имеющего значение и смысл в определённых условиях) и происходят из самой способности познания. Различаются априорные формы созерцания (восприятия) и априорные формы мышления. Формами восприятия являются пространство и время, которые как формы чувствования обладают трансцендентальной идеальностью (так как таких объектов нет) и эмпирической реальностью (как способы осуществления представления об объектах). Априорные формы мышления присоединяются к содержанию, полученному эмпирическим путём, и устанавливают отношения, связи между многообразными содержаниями для получения из них знания. Их две группы: категории рассудка и идеи чистого разума».

Учение о познании Канта оказало большое влияние на немецкую психологию и психофизиологию восприятия.

Кант развил *учение об апперцепции*, как активной силе, осуществляющей синтез первоначально хаотических представлений, и *учение о трансцендентальных схемах*, как новом элементе сознания, соединяющем в себе разнородные познавательные способности, в котором разрешается вопрос о применении категорий к эмпирической действительности, данной человеку в восприятии.

Основоположником немецкой эмпирической психологии принято считать известного немецкого педагога и философа ***И.Ф. Гербарта*** (1776-1841 гг.). Его психологическая мысль, возникшая под влиянием идей Д. Локка, опиралась на опыт, метафизику и математику. По мнению Гербарта, *предметом психологии должны быть факты, явления сознания.*

«Факты сознания, т.е. состояния сознания, выступают исходным пунктом всякого психологического исследования. Методами, открывающими эти явления, являются самонаблюдение и наблюдение за другими людьми, анализ продуктов деятельности. Однако с их помощью нельзя объяснить душевные процессы и, следовательно, получить научного знания о них, в то время как задачей психологии является «объяснить человеку каков он есть». ... Эксперимент в отношении сознания абсолютно неприменим. Чтобы превратить психологию в науку, необходимо применить математику: только математика придаёт точность определениям и делает возможной их проверку».

В связи с обоснованием возможности применения в психологии математики Гербарт *развивал теорию о происхождении сознания из суммы представлений, а также учение о связях представлений.* Элементом душевной жизни он считал представление (сложный образ восприятия, который возникает под влиянием объектов, существующих во вне) и всю математическую сторону своей психологии направил на вычисление интенсивностей борющихся представлений с целью составить точную картину душевной жизни.

«Сознание формируется из различного рода представлений, которые находятся в постоянном движении по отношению друг к другу. Противоположные представления вступают в борьбу между собой: при этом одно представление вытесняет другое. Соединение же представлений бывает двух типов: во-первых, «компликация», когда данные отдельных ощущений соединяются, не теряя своего качества, в некоторое новое целостное образование; во-вторых, слияние сходных представлений».

«В зависимости от степени ясности представления распределяются по трём областям: ясного сознания (здесь располагаются ясные представления), сознания (здесь находятся менее ясные представления) и бессознательного (здесь располагаются тёмные, подавленные другими представления). Это распределение не есть нечто постоянное: в разные моменты времени одно и то же представление может пребывать в разных областях сознания. Душевная жизнь – это безостановочное движение представлений. Границы между областями сознания называются порогами. И их преодоление представлениями зависит от поддержки всего запаса прошлого опыта и от собственной силы впечатления, которая не сводится к физической интенсивности, а определяется его значимостью для субъекта».

Гербарт, в последствие, создал собственную научную школу. А введённые им понятия будут использованы В. Вундтом, Гельмгольцем, Мюллером и Фехнером.

В философии немецкого мыслителя ***Л. Фейербаха*** (1804-1872 гг.) *утверждался материалистический подход в понимании психики*. Темой его философии являлся «человек как субъект мышления».

Согласно антропологическому принципу человек рассматривался в единстве тела и души. *Фейербах не открывал и не противопоставлял человека*

природе, а считал его продуктом и частью природы. Указывая на принципиальную недостаточность интроспективной психологии, в которой явления сознания рассматриваются в их обособлении от всех реальных связей, он подчёркивает обусловленность сознания объективными материальными процессами, прежде всего мозговыми, и ставит задачу их изучения.

Немецкий эмпиризм заложил основы развития многих психологических школ и направлений.

2.6. Психологическая мысль в России

Естествознание и физиология. В начале XIX века стали складываться новые подходы к изучению психики. *Отныне не механика, а физиология стимулировала рост психологического знания. Имея своим предметом особое природное тело, физиология превратила его в объект экспериментального изучения.*

На первых порах руководящим для неё служило «анатомическое начало». Функции (в том числе психические) исследовались под углом зрения их зависимости от строения органа, его анатомии. Физиология переводила на язык опыта умозрительные, порой фантастические воззрения прежней эпохи.

Так, фантастическая по своей эмпирической фактуре *рефлекторная схема Декарта нервной системы оказалась правдоподобной благодаря открытию различий между чувствительными (сенсорными) и двигательными (моторными) нервными путями, ведущими в спинной мозг.*

Это открытие принадлежало французскому физиологу ***Ф. Мажанди*** и английскому анатому и физиологу ***Чарльзу Беллу*** (1774-1842 гг.) и вошло в науку под двойным именем «закон Белла – Мажанди». *Оно позволило объяснить механизм связи нервов как «рефлекторную дугу»*, возбуждение одного плеча, которой закономерно и неотвратимо приводит в действие другое плечо, порождая мышечную реакцию.

Наряду с научным (для физиологии) и практическим (для медицины) это открытие имело важное методологическое значение. Открытия Белла и Мажанди углубляли и расширяли представления о деятельности нервной системы. *Благодаря точным опытам оно доказывало зависимость функций организма, касающихся его поведения во внешней среде, от телесного субстрата, а не от сознания (или души) как особой бестелесной сущности.*

Второе направление, которое подрывало версию о бестелесной сущности сознания, сложилось при изучении органов чувств, их нервных окончаний. Какими бы стимулами на эти нервы ни действовать, они дают один и тот же специфический для каждого из них эффект. (Например, любое раздражение зрительного нерва вызывает у субъекта ощущение вспышек света.)

На этом основании немецкий физиолог ***Иоганнес Мюллер*** (1801-1858 гг.), основатель новейшей физиологии, *сформулировал «закон специфической энергии органов чувств»: никакой иной энергией, кроме известной физике, нервная ткань не обладает*. Выводы Мюллера укрепили научное воззрение на психику, показывая *причинную зависимость её чувственных элементов*

(ощущений) от объективных материальных факторов: внешнего раздражителя и свойства нервного субстрата.

Выдающийся вклад в физиологию, а также психологию ощущений и восприятия сделал ученик Мюллера, основатель психофизиологии, немецкий физик и естествоиспытатель ***Герман Гельмгольц*** (1821-1894 гг.). Его разносторонний гений преобразовал многие науки о природе, в том числе о природе психического. *Им был открыт закон сохранения энергии.* «Мы все дети Солнца, – говорил он, – ибо *живой организм, с позиции физика, – это система, в которой нет ничего, кроме преобразований различных видов энергии*». *Тем самым из науки изгонялось представление об особых витальных силах, отличающих поведение органических тел от неорганических.*

Но, занявшись таким телесным устройством как орган чувств, Гельмгольц принял за объяснительный принцип не энергетическое (молекулярное), а анатомическое начало. Именно на последнее он опирался в своей *концепции цветного зрения*. Гельмгольц исходил из гипотезы о том, что существует три нервных волокна, возбуждение которых волнами различной длины создает основные ощущения цветов: красное, зеленое и фиолетовое.

Такой способ объяснения оказался непригодным, когда он от ощущений перешёл к анализу восприятия целостных объектов в окружающем пространстве. Этот анализ побудил ввести два новых фактора: а) движения глазных мышц; б) подчинённость этих движений особым правилам, подобным тем, по которым строятся логические умозаключения. Поскольку эти правила действуют независимо от сознания, Гельмгольц дал им имя «*бессознательных умозаключений*». Тем самым экспериментальная работа столкнула Гельмгольца с необходимостью ввести новые причинные факторы.

Раньше он относил к этим факторам либо превращения физической энергии, либо зависимость ощущения от устройства органа. Теперь к этим двум причинным «сеткам», в которые наука улавливает жизненные процессы, присоединялась третья. *Источником психического (зрительного) образа выступал внешний объект, в возможно более отчетливом видении, которого состояла решаемая глазом задача.*

Выходило, что *причина психического эффекта скрыта не в устройстве организма, а вне его*. В опытах Гельмгольца между глазом и объектом ставились призмы, искажавшие восприятие объекта. Однако посредством различных приспособительных движений мышц организм стремился восстановить адекватный образ этого объекта. Выходило, что *движения мышц выполняют не чисто механическую, а познавательную (и даже логическую) работу.*

В зоне научного анализа появились феномены, которые говорили об особой форме причинности. Не физической, не физиолого-анатомической, а психической. Намечалось разделение психики и сознания. Опыты говорили, что *возникающий в сознании образ порождается независимым от сознания механизмом.*

Введение психического фактора как регулятора поведения организма произошло также и в работах датского физиолога ***Э. Пфлюгера***. Он *подверг экспериментальной критике схему рефлекса как дуги*, в которой центростремительные нервы, благодаря связи с центробежными, производят одну и ту же стандартную мышечную реакцию.

Обезглавив лягушку, Пфлюгер помещал её в различные условия. Оказалось, что её *рефлексы вовсе не сводились к автоматической реакции на раздражение. Они изменялись соответственно внешней обстановке.* На столе она ползала, в воде плавала и т.д. Пфлюгер сделал вывод о том, что даже у обезглавленной лягушки нет чистых рефлексов. Причиной её приспособительных действий служит не сама по себе «связь нервов», а сенсорная функция. Именно она позволяет различать условия и, соответственно этому, изменять поведение.

К новым открытиям пришёл другой исследователь органов чувств немецкий анатом и физиолог ***Эрнст Вебер*** (1795-1878 гг.). *Он задался вопросом: насколько следует изменять силу раздражения, чтобы субъект уловил едва заметное различие в ощущении.*

Таким образом, акцент поисков был перемещён. Предшественников Вебера занимала зависимость ощущений от нервного субстрата. Вебера – зависимость между континуумом ощущений и континуумом вызывающих их физических стимулов. Обнаружилось, что *существует вполне определённое (для различных органов чувств различное) отношение между первоначальным раздражителем и последующими, при котором субъект начинает замечать, что ощущение стало уже другим.* Для слуховой чувствительности, например, это отношение, составляет 1/160, для ощущений веса 1/30 и т.д.

Опыты и математические выкладки стали истоком течения, влившегося в современную науку под именем *психофизики*. Её основоположником выступил другой немецкий ученый ***Г. Фехнер*** (1801-1887 гг.). Он перешёл от психофизиологии к психофизике. *На основании работ Вебера Фехнер сформулировал закон количественной зависимости между силой стимула и ощущением: «ощущение изменяется пропорционально логарифму силы раздражения».*

Психофизика начинала с представлений о, казалось бы, локальных психических феноменах. Но получила огромный методологический и методический резонанс во всём корпусе психологического знания. В него внедрялись эксперимент, число, мера. Таблица логарифмов оказалась приложимой к явлениям душевной жизни, к поведению субъекта, когда ему приходится определять едва заметные различия между внешними объективными влияниями.

Прорыв от психофизиологии к психофизике был знаменателен и в том отношении, что разделил принцип причинности и принцип закономерности. Ведь психофизиология была сильна выяснением причинной зависимости субъективного факта (ощущения) от строения органа (нервных волокон), как этого требовало «анатомическое начало».

Однако психофизика доказала, что в психологии и при отсутствии знаний о телесном субстрате могут быть строго эмпирически открыты законы, которым подвластны её явления.

Старая психофизиология с её «анатомическим началом» расшатывалась самими физиологами ещё с одной стороны. Голландский физиолог ***Ф. Дондерс*** (1818-1889 гг.) *занялся экспериментами по изучению скорости протекания психических процессов и изобрёл методику их измерения, став основателем психометрии.*

До него Гельмгольц открыл скорость прохождения импульса по нерву. Это относилось к процессу в организме. Дондерс же *обратился к измерению скорости реакции субъекта на воспринимаемые им объекты*. Испытуемый выполнял задания, требовавшие от него возможно более быстрой реакции на один из нескольких раздражителей, выбора различных ответов на разные раздражители и т.д.

Эти опыты разрушали веру в мгновенно действующую душу, доказывали, что психический процесс, подобно физическому, может быть измерен. И хотя, как и в психофизике, знание о нервной системе не вносило даже малой толики в объяснение новых данных, считалось само собой разумеющимся, что психические процессы совершаются именно в ней.

Вскоре *Сеченов*, ссылаясь на изучение времени реакции как процесса, требующего целостности головного мозга, отметил: «*Психическая деятельность как всякое земное явление происходит во времени и пространстве*».

Опыты физиологов открывали особую причинность – психическую. Они также подрывали принятое в те времена мнение о тождестве психики и сознания.

Ещё одно направление обратило психологическую мысль к вопросу о зависимости её явлений от анатомии центральной нервной системы. Это была приобретшая огромную популярность *френология* (от греч. «phren» – душа, ум), которая углубила представления о материальном субстрате психической деятельности. Её автор – австрийский анатом ***Ф. Галль*** (1758-1829 гг.) *предложил «карту головного мозга», согласно которой различные способности размещены в его определённых участках.* Это якобы влияет на форму черепа, что позволяет, ощупывая его, определять по «шишкам», насколько развиты у данного индивида ум, память и т.п.

Френология при всей её фантастичности побудила к экспериментальному изучению размещения (локализации) психических функций в головном мозге.

В дальнейшем, французский физиолог, основатель экспериментальной физиологии, ***Пьер Флуранс*** (1794-1867 гг.) на основе физиологических экспериментов с разрушением полушарий у птиц обнаружил, что через некоторое время у них восстанавливается поведение, независимо от того, какая часть мозга была разрушена. Идеи локализационизма натолкнулись на сопротивление фактов и высказывалась идея о полной функциональной однородности мозга, его пластичности и взаимозамещаемости его функций.

Несмотря на некоторые скорые выводы, *исследования Флуранса имели большое значение, так как на место умозрительных домыслов поставили научный эксперимент*.

Крупнейший английский невролог ***Х. Джексон*** сформулировал принципиально новый подход к пониманию локализации психических функций.

«Психическая функция представлена в мозгу по уровневому типу: по отношению к двигательной активности низший уровень – это спинной мозг и варолиев мост, средний уровень – моторная область коры, высший уровень – префронтальная область. Нарушения на том или ином уровне приводят к выпадению той или другой стороны функции. В процессе эволюции происходит развитие и интеграция различных уровней мозга – формирование системы связей, которые обусловливают сложное поведение человека – его мышление, символическое действие. Распад этой интегративной деятельности приводит к нарушению психики».

Новое и весьма прогрессивное направление Джексона по проблеме локализации психических функций получило дальнейшее развитие в XX веке в *нейропсихологии*.

В своей лабораторной экспериментальной работе физиологи – люди естественнонаучного склада ума – вторгались в область, которая издавна считалась заповедной для философов как «специалистов по душе».

В итоге психические процессы перемещались в тот же ряд, что и зримая под микроскопом и препарируемая скальпелем нервная ткань, которая их порождает. Оставалось, правда, неясным, каким образом совершается чудо порождения психических продуктов, которые другой человек не может увидеть, собрать в пробирку и т.д.

Тем не менее, выяснилось, что эти продукты даны в пространстве. Подрывался постулат (считавшийся со времен Декарта самоочевидным), согласно которому душевные явления отличаются от всех остальных своей непространственностью.

Английский натуралист и биолог ***Чарльз Дарвин*** (1809-1882 гг.), учение которого об эволюции преобразовало биологию, *подверг анализу инстинкты как побудительные силы поведения.* С фактами в руках он подверг критике *версию об их разумности*.

Вместе с тем без этих слепых побуждений, корни которых уходят в историю вида, организм не может выжить. *Инстинкты связаны с эмоциями*. К ним Дарвин также подошёл не с точки зрения их осознания субъектом, а опираясь на объективные наблюдения за выразительными движениями.

Некогда эти движения имели практический смысл, о чем напоминают сжатие кулаков или оскал зубов у современного человека. Были времена, когда эти агрессивные реакции означали готовность к драке. Традиционная психология считала чувства элементами сознания. Теперь же *эмоции, захватывающие индивида, выступили в качестве таких феноменов, которые хотя и являются психическими, однако первичны по отношению к его сознанию.*

Свою лепту в разграничение психики и сознания внесли исследования гипноза. Первоначально они приобрели в Европе большую популярность благодаря деятельности австрийского врача ***Месмера***, объяснявшего свои гипнотические сеансы действием магнитных истечении (флюидов). Затем, отвергнув месмеризм, английский хирург ***Брэд*** стал сторонником физиологической трактовки гипноза (предложив термин «нейрогипноз»). Однако в дальнейшем он придал решающую роль психологическому фактору.

Будучи предметом интересов медиков, использующих гипноз в своей практике, *гипноз демонстрировал факты психически регулируемого поведения с выключенным сознанием (поддерживая, тем самым, представление о бессознательной психике).* Чтобы вызвать гипнотическое состояние требовался «раппорт» – создание ситуации взаимодействия между врачом и пациентом: *обнажаемая гипнозом бессознательная психика является социально-бессознательной. Ведь он инициируется и контролируется другим человеком.*

Если Дарвин вывел психику за пределы индивида к истории вида, то врачи-гипнотизеры – за пределы индивида к другому индивиду.

На различных участках экспериментальной работы (*Вебер, Фехнер, Дондерс, Гельмгольц, Пфлюгер* и др.) складывались представления об особых закономерностях и факторах, отличных как от физиологических, так и от тех, которые относились к психологии в качестве ветви философии, имеющей своим предметом явления сознания, изучаемые внутренним опытом. Наряду с лабораторной работой физиологов по изучению органов чувств и движений, успехи эволюционной биологии и голос медицинской практики (применяющей гипноз при лечении неврозов) готовили новую психологию. Открывался целый мир явлений, существующих независимо от сознания субъекта, доступных внешнему опыту и такому же объективному изучению как любые другие природные факты.

Было установлено с опорой на экспериментальные и количественные методы, что в этом психическом мире действуют собственные законы и причины. Это создало почву для отделения психологии, как от физиологии, так и от философии.

Раздел III. Развитие психологии как отдельной науки

3.1. Зарождение психологических школ и направлений

К 70-м годам XIX века в жизни науки созрела потребность в том, чтобы разрозненные знания о психике объединить в отдельную дисциплину, отличную от других. Время созрело для определения статуса психологии как самостоятельной науки, и тогда почти одновременно сложилось несколько программ её разработки. Они по-разному определяли предмет, метод и задачи психологии, вектор её развития.

Структурализм. Наибольший успех выпал на долю немецкого физиолога ***Вильгельма Вундта*** (1832-1920 гг.). Он был ассистентом Гельмгольца и *первым принялся собирать и объединять в новую дисциплину созданное различными исследователями.*

Дав ей древнее имя психологии, он, стремясь расстаться с её спекулятивным прошлым, присоединил к этому имени эпитет физиологическая. «Основы физиологической психологии» (1873-1874 гг.) – так назывался его монументальный труд, воспринятый как свод знаний о новой науке.

Организовав же в Лейпциге *первый специальный психологический институт* (1875 г.), *он занялся в нем темами, заимствованными у физиологов, – изучением ощущений, времени реакций, ассоциаций, психофизики*. Приняться за анализ обширной области душевных явлений с помощью приборов и экспериментов было смелым делом. Школа Вундта стала главным питомником первого поколения психологов-экспериментаторов. *Психологи по профессии появились лишь после Вундта.*

Уникальным предметом психологии, никакой другой дисциплиной не изучаемой, *был признан «непосредственный опыт».* Главным методом – *интроспекция*: *наблюдение субъекта за процессами в своем сознании.* Интроспекция понималась как особая процедура, требующая специальной длительной тренировки.

При обычном самонаблюдении, присущем каждому человеку, способному дать отчёт о том, что он воспринимает, чувствует или думает, крайне трудно отделить восприятие как психический процесс от воспринимаемого реального или представляемого объекта. Считалось, что этот объект дан во внешнем опыте.

От испытуемых же требовалось отвлечься от всего внешнего с тем, чтобы найти исходные элементы внутреннего опыта, стараясь выявить и описать его простейшие структуры, добраться до первичной «мыслительной материи» сознания, которая мнилась свитой из сенсорных (чувственных) «нитей».

Когда же возникал вопрос о более сложных психических феноменах, где в действие вступали мышление и воля, сразу же обнаруживалась беспомощность вундтовской программы. Если ощущение можно было объяснить в пределах принятых научным, причинным мышлением стандартов

(как эффект воздействия стимула на телесный орган), то иначе обстояло дело с волевыми актами. Взамен того, чтобы быть причинно объяснёнными, *волевые акты сами были приняты Вундтом за конечную причину процессов сознания и первичную духовную силу.* Тем самым, бывший естествоиспытатель Вундт стал сторонником философии *волюнтаризма* (от латинского «волюнтас» – воля) – философии, считающей волю высшим принципом бытия.

Не меньшие просчеты обнаружились, когда ученики Вундта занялись процессами мышления. Один из них – ***О. Кюльпе*** (1862-1915 гг.), переехав в город Вюрцбург, создал там собственную школу. Ее программа была развитием вундтовой. *По-прежнему предметом психологии считалось содержание сознания, а методом интроспекция*. Испытуемым предписывалось решать умственные задачи, наблюдая за происходящим при этом в сознании. *Но самая изощренная интроспекция не могла найти тех чувственных элементов, из которых, по прогнозу Вундта, должна состоять «материя» сознания.*

Вундт пытался спасти свою программу замечанием, что умственные действия в принципе неподвластны эксперименту и потому должны изучаться по памятникам культуры – языку, мифу, искусству и др. Так *возрождалась версия о «двух психологиях»: экспериментальной,* родственной по своему методу естественным наукам, *и другой психологии, которая* взамен этого метода *интерпретирует проявления человеческого духа.*

Эта версия получила поддержку у сторонника другого варианта «двух психологии» философа ***В. Дильтея.*** *Он отделил изучение связей психических явлений с телесной жизнью организма от их связей с историей культурных ценностей*. Первую психологию он назвал *объяснительной,* вторую – *понимающей.*

К концу XIX века иссяк энтузиазм, который некогда пробудила вундтова программа. Заложенное в ней понимание предмета психологии, изучаемого с помощью использующего эксперимент субъективного метода, навсегда потеряло кредит. Многие ученики Вундта порвали с ним и пошли другим путем.

Однако проделанная школой Вундта работа заложила основы экспериментальной психологии. Научное знание развивается не только путем подтверждения гипотез и фактов, но и их опровержения.

Одновременно с Вундтом философ ***Франц Брентано*** (1838-1917 гг.) *предложил свою программу новой психологии*. Она излагалась в его работе «Психология с эмпирической точки зрения» (1874 г.). Предметом психологии, так же как у Вундта, считалось сознание. Однако его природа мыслилась иной.

Согласно Брентано область психологии – это не содержание сознания (ощущения, восприятия, мысли, чувства), а его акты, психические действия, благодаря которым появляется содержание. Одно дело цвет или образ какого-либо предмета, другое – акт видения цвета или суждения о предмете. Изучение актов и есть уникальная сфера, неведомая физиологии. Специфика же акта в его *интенции*, направленности на какой-либо объект, к которому этот акт прикован.

Концепция Брентано стала источником нескольких направлений западной психологии. Она *придала импульс разработке понятия о психической функции как особой деятельности сознания, которое не сводилось ни к элементам, ни к процессам, но считалось изначально активным и предметным.*

Особым путем продвигался русский физиолог ***И.М. Сеченов*** (1829-1905 гг.). Его первый трактат, вошедший в книгу «Психологические этюды», назывался «Рефлексы головного мозга» (1863 г.). Трактат получил широкий резонанс в русском обществе, журналистике, литературе. По свидетельству современников, в России не считался образованным тот, кто его не прочитал. Сеченов, бросая вызов психологии старого закала, утверждал: «Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге – везде окончательным фактом является мышечное движение».

Не все адекватно поняли сеченовский замысел. Один ссыльный встретил в Сибири купчиху, сообщившую, что в Петербурге профессор Сеченов доказал, что души нет, а есть только рефлексы.

Противники Сеченова утверждали, будто он свел все богатство душевной жизни к дрожанию мышц. Но истинный смысл его теории был другим. *Сеченов не отождествлял психический акт с рефлекторным. Он указывал на сходство в их строении.* Психологию он называл родной сестрой физиологии, а не ее придатком. *Он смог соотнести рефлекс с психикой благодаря тому, что само понятие о рефлексе было им радикально преобразовано, также как и понятие о психике.*

За импульс, который запускает в ход рефлекс, классические схемы принимали физический стимул. *Согласно же Сеченову начальным звеном рефлекса является не внешний, механический толчок, а раздражитель-сигнал.*

На различие между раздражителем-стимулом и раздражителем-сигналом следует обратить особое внимание. Действие стимула ограничено возбуждением нервных волокон. Сигнал же играет двоякую роль. Он обращен и к организму, который его воспринимает, и к внешней среде, свойства которой он различает. Благодаря этому он информирует организм о ситуации, к которой должны приладиться рабочие органы (мышцы). Последние, в свою очередь, обладают чувствительностью. В них встроены сенсорные приборы, которые передают в мозг сигналы о достигнутом эффекте, вынуждая, если требуется, автоматически корректировать поведение. *Модель рефлекторной дуги Сеченов заменил моделью рефлекторного кольца*. Если кольцо не замыкается, действие нарушается. В качестве примера приводилось поведение больных (атактиков), у которых расстроена мышечная чувствительность. Им очень трудно ходить из-за того, что они не ощущают почвы (их мозг не получает «обратных» сигналов из мышц), хотя сами мышцы не поражены.

Саморегуляция поведения организма посредством сигналов – таковым было физиологическое основание сеченовской схемы психической деятельности.

Среди главных достижений Сеченова выделялось *открытие им центрального торможения.* До него считалось, что в головном мозгу протекает только один нервный процесс – возбуждение. Сеченов обнаружил в эксперименте *способность головного мозга задерживать рефлексы*. Это открытие он истолковал *как нервный механизм психических функций – воли и мышления.* Волевого человека отличает умение противостоять неприемлемым для него влияниям, какими бы сильными они ни были, подавлять нежелательные влечения. Это и достигается аппаратом торможения.

Благодаря этому аппарату возникают и незримые акты мышления. Сеченов писал, что «около самого сердца» он выносил мысль, согласно которой *мышца является не только органом движжения, но и познания. С ее помощью организм воспринимает объекты внешней среды (в построении зрительного образа, например, важную роль играют как бы бегающие по предметам непрерывно работающие мышцы глаз), сравнивает их, анализирует, то есть производит операции, которые уже являются умственными. Механизм торможения задерживает внешнее выражение этих действий. Однако они не исчезают. Из внешних они преобразуются во внутренние.* Впоследствии этот процесс был назван *интериоризацией* (переходом извне во внутрь).

Глубинные преобразования в категории рефлекса открыли перспективу нового понимания предмета психологии. В работе «Кому и как разрабатывать психологию» (1873 г.) Сеченов определяет ее как «науку о происхождении психических деятельностей». Термин «происхождение» следует пояснить. Задача науки виделась в том, чтобы объяснить, каким образом совершаются (происходят) различные деятельности (восприятие, память, мышление и т.п.). Они строятся по типу рефлекса, т.е. также являются «трехчленными» (имеют начало, середину и конец). Они включают вслед за восприятием среды и его переработкой в головном мозгу ответную работу двигательного аппарата. *Впервые в истории психологии предмет этой науки охватывал не только явления и процессы сознания (или бессознательной психики), но весь цикл взаимодействия организма с миром, включая его внешние телесные действия.*

Именно таков смысл сеченовского понятия о психической деятельности. Она, подобно рефлексу, совершается объективно. Поэтому и *для психологии единственно надежным является объективный, а не субъективный (интроспективный) метод,* на котором строились программы Вундта и Брентано.

Сеченов стал пионером науки, предметом которой служит психически регулируемое поведение.

Сеченовские идеи оказали влияние на мировую науку. Но в основном они получили развитие в России в учениях *И.П. Павлова и В.М. Бехтерева*.

В западной психологии понятие о сеченовском торможении воспринял Фрейд, об интериоризации внешнего действия – Жане.

Ассоцианизм. От уровня теоретических представлений о предмете психологии следует отличать уровень конкретной эмпирической работы, где

под власть эксперимента подпадал все более широкий круг явлений. Давним, с платоновских времен, «гостем» психологии являлось представление об ассоциации. Оно получало различные толкования. В одних философских системах *(Декарт, Гоббс, Спиноза, Локк, Гартли)* ассоциация рассматривалась как связь и порядок телесных впечатлений, появление одного из которых вызывает по закону природы смежные с ним. В других системах *(Беркли, Юм, Томас Браун, Джеймс Милль* и др.) ассоциация означала связь ощущений во внутреннем опыте субъекта, не имеющую отношения ни к организму, ни к порядку испытанных им внешних воздействий.

С рождением экспериментальной психологии изучение ассоциаций становится ее излюбленной темой. Она разрабатывалась в нескольких направлениях.

Молодая психология заимствовала свои методы у физиологии. Собственных она не имела, пока немецкий психолог ***Герман Эббингауз*** (1850-1909 гг.) не *принялся за экспериментальное изучение ассоциаций. В книге «О памяти»* (1885 г.) *он изложил результаты опытов, проведенных на себе с целью вывести математически точные законы, по которым сохраняется и воспроизводится выученный материал.*

Занявшись этой проблемой, *он изобрел особый объект – бессмысленные слоги* (каждый слог состоял из двух согласных и гласной между ними, например, «моя», «пат» и т.п.). Чтобы изучить ассоциации, Эббингауз сперва отобрал раздражители, которые не вызывают никаких ассоциаций. Над списком из 2300 бессмысленных слогов он экспериментировал в течение двух лет. Были испробованы и тщательно просчитаны различные варианты, касающиеся количества слогов, времени заучивания, числа повторений, промежутка между ними, динамики забывания (репутацию классической приобрела «кривая забывания», говорившая, что примерно половина забытого падает на первые полчаса после заучивания) и других переменных.

В различных вариантах были получены данные, касающиеся числа повторений, нужных для последующего воспроизведения материала различного объема, забывания различных фрагментов этого материала (начала списка слогов и его конца), эффекта сверхзаучивания (повторение списка большее число раз, чем требуется для его успешного воспроизведения) и др.

Законы ассоциации, тем самым, выступили в новом свете. Эббингауз не обращался за их объяснением к физиологам. Но и роль сознания его не интересовала. Ведь любой элемент сознания – будь то психический образ или акт – изначально осмыслен, а в смысловом содержании виделась помеха изучению механизмов чистой памяти.

Эббингауз открывал новую главу в психологии не только потому, что первым отважился заняться экспериментальным изучением мнемических процессов, более сложных, чем сенсорные. Его уникальный вклад определялся тем, что *впервые в истории науки посредством экспериментов и количественного анализа их результатов были открыты собственно психологические закономерности, действующие независимо от сознания,*

иначе говоря – объективно. Равенство психики и сознания (принятое в ту эпоху за аксиому) перечеркивалось.

То, что в европейской традиции обозначалось как процессы ассоциации, становится вскоре одним из главных направлений американской психологии под именем «научения».

Это направление ввело в психологию объяснительные принципы учения Дарвина, в результате чего утвердилось новое понимание детерминации поведения целостного организма и, тем самым, всех его функций, в том числе психических.

Среди новых объяснительных принципов выделялись: вероятностный характер реакций как принцип естественного отбора и адаптация организма к среде с целью выживания в ней.

Эти принципы образовали контуры новой детерминистской (каузальной) схемы. *Прежний механический детерминизм уступил место биологическому.* На этом переломе в истории научного познания *понятие об ассоциации приобрело особый статус. Прежде она означала связь идей в сознании, теперь же связь между движениями организма и конфигурацией внешних стимулов, от приспособления к которым зависит решение жизненно важных для организма задач.*

Ассоциация выступала как способ приобретения новых действий, а по принятой вскоре терминологии – научения. Первый крупный успех в преобразовании понятия об ассоциации принесли опыты ***Эдуарда Торндайка*** (1874-1949 гг.) над животными (главным образом кошками). Он использовал так называемые «проблемные ящики».

Помещенное в ящик животное могло выйти из него и получить подкормку, лишь приведя в действие специальное устройство – нажав на пружину, потянув за петлю и т.п. Животные совершали множество движений, бросались в разные стороны, царапали ящик и т.п., пока одно из движений случайно не оказывалось удачным. «Пробы, ошибки и случайный успех», – такова была формула, принятая для всех типов поведения, как животных, так и человеческих. Торндаик объяснял свои опыты несколькими *законами научения*. Прежде всего – *законом упражнения (двигательная реакция на ситуацию связывается с этой ситуацией пропорционально частоте, силе и продолжительности повторения связей)*. К нему присоединялся *закон эффекта, гласивший, что из нескольких реакций наиболее прочно сочетаются с ситуацией те из них, которые сопровождаются чувством удовлетворения.*

Торндаик предполагал, что связям между движением и ситуацией соответствуют связи в нервной системе (т.е. физиологический механизм), а закрепляются связи благодаря чувству (т.е. субъектному состоянию). Но, ни физиологические, ни психологические компоненты ничего не добавляли к нарисованной Торндайком независимо от них «кривой научения», где на абсциссе отмечались повторные пробы, а на оси ординат – затраченное время (в минутах).

Главная книга Торндайка называлась «Интеллект животных. Исследование ассоциативных процессов у животных» (1898 г.). Ассоциации тем самым, трактовались как интеллектуальные, стало быть, смысловые процессы. Вся прежняя психология считала смыслы неотъемлемым атрибутом сознания. Отныне они оказывались присущими телесному поведению.

До Торндайка своеобразие интеллектуальных процессов считалось следствием идей, мыслей, умственных операций (как актов сознания). У Торндайка же они выступили в виде независимых от сознания двигательных реакций организма.

В прежние времена эти реакции относились к разряду рефлексов – машинальных стандартных ответов на внешнее раздражение, предопределенных самим устройством нервной системы.

Согласно Торндайку эти реакции являются интеллектуальными, ибо направлены на решение задачи, справиться с которой, используя наличный запас ассоциаций, невозможно. Только выработка новых ассоциаций, новых двигательных ответов на необычную для животного и потому проблемную ситуацию, позволяет решить поставленную задачу.

Закрепление ассоциаций психология относила к процессам памяти. Когда же речь шла о действиях, ставших автоматизированными благодаря повторению, их называли *навыками.*

Открытия Торндайка были истолкованы как *законы образования навыков.* Между тем, он считал, что исследует интеллект, стало быть, смысловую основу поведения. На вопрос «имеется ли ум у животных?» был дан положительный ответ. Но за этим стояло новое понимание ума, не нуждающееся в обращении к внутренним процессам сознания. Под интеллектом имелась в виду выработка организмом «формулы» реальных действий, позволяющих ему успешно справиться с проблемной ситуацией. Успех достигался случайно. Такой взгляд запечатлел новое понимание детерминации жизненных явлений, которое пришло в психологию с триумфом дарвиновского учения. Оно вводило вероятностный стиль мышления. *В органическом мире выживает лишь тот, кому удается, «пробуя и ошибаясь», отобрать наиболее выгодный вариант реакции на среду из многих возможных.*

Этот стиль открывал широкие перспективы внедрения в психологию статистических методов.

Главные достижения в разработке этих методов применительно к психологии связаны с творчеством кузена Дарвина англичанина ***Френсиса Гальтона*** (1822-1911 гг.).

Находясь под глубоким впечатлением идей своего кузена, *он решающее значение придал не фактору приспособления отдельного организма к среде, а фактору наследственности, согласно которому приспособление вида достигается за счет генетически детерминированных вариаций индивидуальных форм, образующих этот вид.* Опираясь на этот постулат, *Гальтон стал пионером разработки генетики поведения.*

Благодаря его неутомимой энергии широко развернулось изучение *индивидуальных различий.* Эти различия постоянно давали о себе знать в экспериментах по определению порогов чувствительности, времени реакции, динамики ассоциаций и других психических феноменов. Но поскольку основной целью являлось открытие общих законов, различиями в реакциях испытуемых пренебрегали. Гальтон же сделал основной упор именно на различиях, считая, что они генетически предопределены.

В книге «Наследственный гений» (1869 г.) *он доказывал, ссылаясь на множество фактов, что выдающиеся способности передаются по наследству*. Используя наличные экспериментально-психологические методики, присоединив к ним изобретенные им самим, он поставил их на службу изучения индивидуальных вариаций. Это относилось как к телесным, так и к психическим признакам. Последние считались не в меньшей степени зависящими от генетических детерминант, чем, скажем, цвет глаз.

В его лаборатории в Лондоне каждый желающий мог за небольшую плату измерить свои физические и психические способности, между которыми, по Гальтону, существуют корреляции. Через эту антропологическую лабораторию прошло около 9000 человек. Но Гальтон, которого иногда называют первым практикующим психологом, держал в уме более глобальный замысел. Он рассчитывал охватить все население Англии с тем, чтобы определить уровень психических ресурсов страны.

Свои испытания он обозначил словом «тест», которое навсегда вошло в психологический лексикон. *Гальтон стал пионером преобразования экспериментальной психологии в дифференциальную, изучающую различия между индивидами и группами людей.* Непреходящей заслугой Гальтона явилась углубленная разработка вариационной статистики, изменившей облик психологии как науки, широко использующей количественные методы.

Гальтон применял тесты, касающиеся работы органов чувств, времени реакции, образной памяти (найдя, например, сходство зрительных образов у близнецов) и других чувствительно-двигательных функций. Между тем, практика требовала информации о высших функциях с целью диагностики индивидуальных различий между людьми, касающихся приобретения знаний и выполнения сложных форм деятельности.

Первый вариант решения этой задачи принадлежал французскому психологу ***Альфред Бине*** (1857-1911 гг.). Он начинал с экспериментальных исследований мышления (испытуемыми служили две его дочери). Однако вскоре по заданию правительственных органов *Бине стал искать психологические средства, с помощью которых удалось бы отделить детей, способных к учению, но ленивых, от тех, кто страдает прирожденными дефектами.*

Опыты по изучению внимания, памяти, мышления были проведены на многих испытуемых различных возрастов. *Экспериментальные задания Бине превратил в тесты, установив шкалу, каждое из делений которой содержало задания, выполнимые нормальными детьми определенного возраста*. Эта

шкала приобрела популярность во многих странах. В Германии Вильям Штерн ввел понятие «коэффициента интеллекта» (с англ. «Ай-Кью»).

Данный коэффициент соотносил «умственный» возраст (определяемый по шкале Бине) с хронологическим («паспортным»). Их несовпадение считалось показателем либо умственной отсталости (когда умственный возраст ниже хронологического), либо одаренности (когда умственный возраст превосходит хронологический).

Это направление под именем тестологии стало важнейшим каналом сближения психологии с практикой. Техника измерения интеллекта позволяла на основе данных психологии, а не чисто эмпирически решать вопросы обучения, отбора кадров, оценки достижений, профпригодности и др.

Достижения экспериментального и дифференциального направлений, наиболее ярко воплощенные в творчестве названных исследователей, но ставшие возможными благодаря работе всего поколения молодых неофитов-профессионалов, подспудно и неотвратимо изменяли предметную область психологии.

Это была иная область, чем очерченная в теоретических схемах, от которых психология начинала свой путь в качестве науки, гордившейся своей самобытностью. Предметом анализа стали не элементы и акты сознания, никому неведомые кроме как субъекту, изощрившему свое внутреннее зрение, а телесные реакции, изучаемые объективным методом. Выяснилось, что их связи, носившие в прошлом имя ассоциаций, возникают и преобразуются по особым психологическим законам. Их открывает эксперимент в сочетании с количественными методами. Для этого нет необходимости обращаться ни к физиологии, ни к показаниям самонаблюдения. Что же касается объяснительных принципов, то они черпались не в механике, снабжавшей психологическую мысль в течение трех веков принципом причинности, а в дарвиновском учении, преобразовавшем картину организма и его функций.

Радикальное изменение ориентации отражало не только запросы логики научного познания (переход к биологической причинности), но и актуальные общественные потребности.

Это ярко проявилось в поисках факторов, обучающих организм эффективным приспособительным действиям, и в успехах психодиагностики.

3.2. Основные психологические школы

Чем успешнее шла в психологии экспериментальная работа, чем обширнее становилось поле изучаемых ею явлений, тем стремительнее росла неудовлетворенность версией о том, что уникальным предметом этой науки служит сознание, а методом – интроспекция.

Это усугублялось успехами новой биологии. Она изменила взгляд на все жизненные функции, и в том числе – психические. *Восприятие и память, навыки и мышление, установки и чувства трактуются отныне как своего рода «инструменты» для решения организмом задач, с которыми его сталкивают жизненные ситуации*.

Рушилось воззрение на сознание как на замкнутый в себе внутренний мир. Влияние дарвиновской биологии сказалось и в том, что психические процессы стали исследоваться с точки зрения развития.

На заре психологии главным источником сведений об этих процессах служил взрослый индивид, способный в лаборатории, следуя инструкции экспериментатора, сосредоточить свой «внутренний взор» на фактах «непосредственного опыта». Но стимулированное идеей развития расширение зоны познания ввело в психологию особые объекты. К ним невозможно было применить метод интроспективного анализа. Таковыми являлись факты поведения животных, детей, психически больных.

Новые объекты требовали и новых объективных методов. Только они могли обнажить те уровни развития психики, которые предшествовали процессам, изучаемым в лабораториях. Отныне уже невозможно было относить эти процессы к разряду первичных фактов сознания. За ними ветвилось великое древо сменяющих друг друга психических форм. Научные сведения о них позволили психологам перейти из университетской лаборатории в детский сад, школу, психиатрическую клинику.

Практика реальной исследовательской работы до основания расшатала взгляд на психологию как науку о сознании. Созревало новое понимание ее предмета. Оно по-разному преломилось в теоретических воззрениях и системах.

В любой области знания имеются конкурирующие концепции и школы. Такое положение нормально для роста науки. Однако при всех разногласиях эти направления скрепляют общие воззрения на исследуемый предмет. В психологии же в начале XX столетия расхождение и столкновение позиций определялись тем, что каждая из школ отстаивала отличный от других собственный предмет. Психологи, по свидетельству одного из них, почувствовали себя «в положении Приама на развалинах Трои».

Между тем, за видимым распадом шли процессы более углубленного, чем в прежние времена, освоения реальной психической жизни, различные стороны которой отразились в новых теоретических конструкциях. С их разработкой сопряжены революционные сдвиги по всему фронту психологических исследований.

Функционализм. В начале XX века прежний образ предмета психологии, каким он сложился в период ее самоутверждения в семье других наук, сильно потускнел. Хотя по-прежнему большинство психологов считало, что они изучают сознание и его явления, эти явления все теснее соотносились с жизнедеятельностью организма, с его двигательной активностью. Лишь очень немногие продолжали вслед за немецким психологом Вундтом считать, что они призваны заниматься поисками строительного «материала» непосредственного опыта и его структурами.

Такому подходу, названному структурализмом, противостоял *функционализм*. Это направление, отвергая анализ внутреннего опыта и его структур, считало главным делом психологии выяснение того, как эти

структуры работают, когда решают задачи, касающиеся актуальных нужд людей. *Тем самым, предметная область психологии расширялась. Она виделась охватывающей психические функции (а не элементы) как внутренние операции, которые производятся не бестелесным субъектом, а организмом с целью удовлетворить его потребность в приспособлении к среде*.

У истоков функционализма в США стоял ***Уильям Джеймс*** (1842-1910 гг.). Он известен также как лидер прагматизма (от греч. «прагма» – действие) – философии, которая оценивает идеи и теории, исходя из того, как они работают на практике, принося пользу индивиду.

В своих «Основах психологии» (1890 г.) Джеймс писал, что *внутренний опыт человека – это не «цепочка элементов», а «поток сознания». Его отличают личностная (в смысле выражения интересов личности) избирательность (способность постоянно производить выбор)*. Задача субъекта – структурировать сигналы, поступающие в сознание. Таким образом, Джеймс стал родоначальником *теории непрерывного потока сознания, динамической психологии и идеи личностного роста.*

Обсуждая проблему эмоций, Джеймс (одновременно с датским врачом *Карлом Ланге*) *предложил парадоксальную, вызвавшую острые споры концепцию, согласно которой первичными являются изменения в мышечной и сосудистой системах организма, вторичными – вызванные ими эмоциональные состояния*. «Мы опечалены, потому что плачем, приведены в ярость, потому что бьем другого».

Хотя Джеймс не создал ни целостной системы, ни школы, его взгляды на служебную роль сознания во взаимодействии организма со средой, взывающей к практическим решениям и действиям, прочно вошли в идейную ткань американской психологии. И ныне по блестяще написанной в конце прошлого века книге Джеймса учатся в американских колледжах.

Рефлексология. Принципиально новый подход к предмету психологии сложился под воздействием работ ***И.П. Павлова*** (1859-1963 гг.) и ***В.М. Бехтерева*** (1857-1927 гг.). Экспериментальная психология возникла из исследований органов чувств, поэтому она и считала в те времена своим предметом продукты деятельности этих органов – ощущения.

Павлов и Бехтерев обратились к высшим нервным центрам головного мозга – органам управления поведением целостного организма в окружающей среде. Вслед за Сеченовым они утверждали взамен изолированного сознания *новый предмет,* а именно *целостное поведение.*

Поскольку теперь взамен ощущения в качестве исходного понятия выступил рефлекс, это направление приобрело известность под именем *рефлексологии*.

И.П. Павлов обнародовал свою программу в 1903 году, назвав ее «Экспериментальная психология и психопатология на животных». В дальнейшем от слова «психология» он отказался и даже брал со своих сотрудников штраф, когда они, обсуждая опыты над собаками, применяли психологические термины. Поводом служила отягченность этих терминов

родимыми пятнами субъективной психологии сознания, тогда как главным делом павловской школы было строго объективное изучение поведения.

Чтобы понять революционный смысл павловского учения о поведении, следует иметь в виду, что он называл его *учением о высшей нервной деятельности*. Речь шла не о замене одних слов другими, а о кардинальном преобразовании всей системы категорий, в которых объяснялась эта деятельность.

Если прежде под рефлексом имелась в виду жестко фиксированная, стереотипная реакция, то Павлов вводил в это понятие принцип условности. Отсюда и его главный термин – *условный рефлекс*. Это означало, что организм приобретает и изменяет программу своих действий в зависимости от условий – внешних и внутренних.

Внешние раздражители становятся для него сигналами, ориентирующими в среде, а реакция закрепляется только в том случае, если ее санкционирует внутренний фактор – потребность организма. Модельный опыт Павлова заключался в выработке реакции слюнной железы собаки на звук, свет, форму и т.п.

На этой гениально простой модели, варьируя бессчетное число раз совместно с множеством учеников (школу Павлова прошло около 300 исследователей) условия образования, преобразования, сочетания рефлексов, *Павлов открыл законы высшей нервной деятельности.* За каждым на первый взгляд несложным опытом скрывалась густая сеть разработанных павловской школой понятий (о сигнале, временной связи, подкреплении, торможении, дифференцировке, управлении и др.), позволяющих причинно объяснять, предсказывать и модифицировать поведение.

Идеи, сходные с павловскими, развивал в книге «Объективная психология» (1907 г.) В.М. Бехтерев, давший условным рефлексам другое имя: сочетательные. Между воззрениями двух ученых имелись различия, но оба стимулировали психологов на коренную перестройку представлений о предмете психологии.

Бихевиоризм. Под влиянием их идей возникает новое мощное направление, утвердившее в качестве предмета психологии поведение, понятое как совокупность реакций организма, обусловленных его общением со стимулами среды, к которой он адаптируется.

Кредо этого направления запечатлено в термине «поведение» (англ. «бихевиор»), а само оно было названо *бихевиоризмом*. Его «отцом» принято считать американского психолога ***Джона Б. Уотсона*** (1878-1958 гг.), в статье которого «Психология с точки зрения бихевиориста» (1913 г.) излагался манифест новой школы, в частности, *утверждение, что все функции индивидуума можно свести к схеме* «**S-R**» (стимул – реакция, т.е. каждой ситуации соответствует определенное поведение). В нем требовалось «выбросить за борт» как пережиток алхимии и астрологии все понятия субъективной психологии сознания и перевести их на язык объективно наблюдаемых реакций живых существ на раздражители. Ни Павлов,

ни Бехтерев, на концепции которых опирался Уотсон, не придерживались столь радикальной точки зрения. Они надеялись, что объективное изучение поведения, в конце концов, как говорил Павлов, прольет свет на «муки сознания».

Бихевиоризм стали называть «психологией без психики». Этот оборот предполагал, что психика идентична сознанию. Между тем, требуя устранить сознание, бихевиористы вовсе не превращали организм в лишенное психических качеств устройство. Они изменили представление об этих качествах. *Реальный вклад нового направления заключался в резком расширении изучаемой психологией области. Отныне она включала доступные внешнему объективному наблюдению, независимые от сознания стимулы – реактивные отношения.*

Изменились схемы психологических экспериментов. Они ставились преимущественно на животных – белых крысах. В качестве экспериментальных устройств, взамен прежних физиологических аппаратов, были изобретены различные типы лабиринтов и «проблемных ящиков». Запускаемые в них животные научались находить из них выход.

Тема научения, приобретения навыков путем проб и ошибок, основанная Торндайком, стала центральной для этой школы, собравшей огромный экспериментальный материал о факторах, определяющих модификацию поведения. Материал подвергался дотошной статистической обработке, ведь реакции животных носили не жестко предопределенный, а статистический характер. Изменялось воззрение на законы, правящие поведением живых существ, в том числе человека, который предстал в этих опытах как «большая белая крыса», ищущая свой путь в «лабиринте жизни», где вероятность успеха не предопределена и царит его величество случай.

Исключив сознание, бихевиоризм неизбежно оказался односторонним направлением. Вместе с тем он ввел в научный аппарат психологии категорию действия в качестве не только внутренней, духовной (как в прежние времена), но и внешней, телесной реальности. *Бихевиоризм изменил общий строй психологического познания. Его предмет охватывал отныне построение и изменение реальных телесных действий в ответ на широкий спектр внешних вызовов.*

Сторонники этого направления рассчитывали, что, опираясь на данные экспериментов, удастся объяснить любые естественные формы поведения людей, такие, например, как строительство небоскреба или игру в теннис. Основа же всего – законы научения.

Психоанализ. Наряду с бихевиоризмом и в те же самые времена до основания подорвал психологию сознания психоанализ. *Он обнажил за покровом сознания мощные пласты неосознаваемых субъектом психических сил, процессов и механизмов*. Мнение о том, что область психического простирается за пределами тех испытываемых субъектом явлений, о которых он способен дать отчет, высказывалось и до того, как психология приобрела статус опытной науки. Но в предмет этой науки ее превратил *психоанализ.*

Так назвал свое учение австрийский врач ***Зигмунд Фрейд*** (1856-1939 гг.). Как и многие другие классики современной психологии, он долгие годы занимался изучением центральной нервной системы, приобретя солидную репутацию специалиста в этой области.

Став врачом, занявшись лечением больных психическими расстройствами, он на первых порах пытался объяснить их симптомы, динамикой нервных процессов (используя, в частности, сеченовское понятие о торможении). Однако чем больше он углублялся в эту область, тем острее испытывал неудовлетворенность. Ни в нейрофизиологии, ни в царившей тогда психологии сознания он не видел средств, позволяющих объяснить причины патологических изменений в психике своих пациентов. А, не зная причин, приходилось действовать вслепую, ибо, только устранив их, можно было надеяться на терапевтический эффект.

Ища выход, он обратился от анализа сознания к скрытым, глубинным слоям психической активности личности. До Фрейда они не были предметом психологии. После него – стали его неотъемлемой частью.

Первым импульсом к их изучению послужило применение гипноза. Внушив загипнотизированному человеку какое-либо действие с тем, чтобы он его выполнил после пробуждения, можно наблюдать, как он, совершая его в полном сознании, но, не зная истинной причины, начинает придумывать для него мотивы, чтобы оправдать свой поступок. *Истинные причины поступка от сознания скрыты, но именно они правят поведением*. Анализом этих сил и занялись Фрейд и его последователи. Они создали одно из самых мощных и влиятельных направлений в современной науке о человеке, названное психоанализом. Используя различные методики истолкования психических проявлений (свободный ассоциативный поток мыслей у пациентов, образы их сновидений, ошибки памяти, оговорки, перенос пациентом своих чувств на врача и др.), они разработали сложную и разветвленную сеть понятий, оперируя которыми, уловили глубинные «вулканические» процессы, скрытые за явленным сознанию в «зеркале» самонаблюдения.

Главной среди этих процессов были признана имеющая сексуальную природу энергия влечения (либидо). Именно благодаря ей происходит постепенное развитие личности и достижение зрелости. Со времен детства в условиях семейной жизни она определяет мотивационный ресурс личности. *Испытывая различные трансформации ввиду различных социальных ограничений, она подавляется, вытесняется и, тем не менее прорывается сквозь «цензуру» сознания по обходным путям, разряжаясь и проявляясь в различных симптомах, в том числе патологических (расстройства движений, восприятия, памяти).* Фрейд отобразил этот механизм в «гидравлической модели личности».

Компонентами этой модели являются: Оно (либидо) (слепые иррациональные влечения), Я (эго) и сверх-Я (супер эго) (уровень моральных норм и запретов, возникающих в силу того, что в первые же годы жизни ребенок идентифицирует себя с родителями).

От напряжения, под которым оказывается «Я» из-за давления на него с одной стороны слепых влечений, с другой – моральных запретов, человека спасают защитные механизмы: вытеснения (устранение мыслей и чувств в область бессознательного), сублимации (переключение сексуальной энергии на творчество) и т.п.

Этот взгляд привел к пересмотру прежней трактовки сознания. Его активная роль в поведении не отвергалась, но представлялась существенно другой, чем в традиционной психологии. Его отношение к бессознательной психике мыслилось неизбывно конфликтным. В то же время только благодаря осознанию причин подавленных влечений и потаенных комплексов удается (с помощью техники психоанализа) избавиться от душевной травмы, которую они нанесли личности.

Открыв объективную психодинамику и психоэнергетику мотивов поведения личности, скрытую «за кулисами» ее сознания, Фрейд преобразовал прежнее понимание предмета психологии. Проделанная им и множеством его последователей психотерапевтическая работа обнажала важнейшую *роль мотивационных факторов как объективных, стало быть, независимых от того, что нашептывает «голос самосознания», регуляторов поведения.*

Психоаналитическое движение широко распространилось в различных странах. Возникали новые варианты объяснения и лечения неврозов, комплексов, психических травм динамикой неосознаваемых влечений. Менялись и представления самого Фрейда на структуру и динамику личности.

Французская психология. Психоанализ строился на постулате, согласно которому человек и окружающий его социальный мир находятся в состоянии тайной, извечной вражды. Иное понимание отношений между индивидом и общественной средой утвердилось во французской психологии. Личность ее действия и функции объяснялись созидающим их социальным контекстом, взаимодействия людей. В этом тигле выплавляется внутренний мир субъекта со всеми его уникальными признаками, которые прежняя психология сознания принимала за изначально данное.

Наиболее последовательно эту линию мысли, популярную среди французских исследователей, развивал ***Пьер Жане*** (1859-1947 гг.). Его первые работы в качестве психиатра касались болезней личности, выражающихся в *диссоциации идей и тенденций (разрыве связей между ними) вследствие падения «психического напряжения»* (Жане предложил называть этот феномен «психостенией»). *Ткань психической жизни расщепляется. В одном организме начинают жить несколько личностей.*

В дальнейшем Жане принимает за *ключевой объяснительный принцип человеческого поведения общение как сотрудничество, в глубинах которого рождаются различные психические функции: воля память, мышление и др*. В целостном процессе сотрудничества происходит разделение актов: один индивид выполняет первую часть действия, второй – другую его часть. Один командует, другой подчиняется. Затем субъект совершает по отношению к самому себе действие, к которому прежде принуждал другого. Он научается

сотрудничать с собой, подчиняться собственным командам, выступая, как автор действия, как лицо, обладающее собственной волей.

Прежние концепции принимали волю за особую силу, коренящуюся в сознании субъекта. Теперь же доказывалась ее вторичность, ее производность от объективного процесса, в котором непременно представлен другой человек. Это же относится к памяти, которая первоначально предназначена для передачи поручений тем, кто отсутствует.

Что касается умственных операций, то и они изначально являются реальными телесными действиями (в частности, речевыми), которыми люди обмениваются, совместно решая свои жизненные задачи.

Главным же работающим на возникновение внутрипсихических процессов механизмом служит интериоризация. *Социальные действия из внешних объективно становятся внутренними, незримыми для других.*

Отсюда возникает иллюзия их бестелесности и порождаемости «чистым» Я, а не сетями межличностных связей.

Эта ветвь психологических исследований внесла свою лепту в *изменение исходной трактовки предмета психологии. Сохраняя сознание в качестве его ядра, она принимала за его единицы не сенсорные (ощущения, образы), интеллектуальные (идеи, мысли) или эмоционально-волевые элементы, а социальные действия (сперва внешние, а затем внутренние).* Прежние концепции, для которых исходным пунктом служил индивид как носитель психических актов и содержаний, искали пути его социализации, т.е. приобщения к нормам и правилам жизни среди других. Вектор психологического изучения человека, по Жане, должен быть противоположным. Объяснению подлежит не социализация, а индивидуализация, т.е. причинный анализ того, как из социальных актов и отношений, в гуще которых изначально существует индивид, строится внутренний, личностный план его поведения.

В *предмете психологии* в качестве его непременного «измерения» *прорисовывалась изначальная социальность.*

Гештальтпсихология. При всех преобразованиях, которые испытывала психология, понятие о сознании сохраняло в основном прежние признаки. Изменялись только взгляды на его отношение к поведению, к неосознаваемым психическим явлениям, к социальным влияниям. Но новые представления о том, как само это сознание организовано, впервые сложилось с появлением на научной сцене школы, кредо которой выразило понятие о «гештальте» (динамической форме, структуре). *В противовес трактовке сознания как «сооружения из кирпичей (ощущений) и цемента (ассоциаций)» утверждался приоритет целостной структуры, от общей организации которой зависят ее отдельные компоненты. «Восприятие – это не сумма ощущений, свойства фигуры не описываются через свойства ее частей»... «Каждый момент нашего представления выделяет форму из целостного гештальта (фигуры)».*

Опыт, доказывающий эти положения, состоял в следующем: наблюдение цепочки лампочек, поочередно загорающихся через определенные промежутки времени. При сокращении этих промежутков возникает ощущение, что свет

движется – восприятие движения при его отсутствии, возникновение образа, целостного структурированного пространства, элементы которого объединяются в фигуры под влиянием сознания. Этому явлению дали название – «*ФИ*» – *феномен*. И объяснением его служили *врожденные механизмы структурирования – интеллектуальные особенности*.

Сама по себе мысль о том, что целое не сводится к образующим его частям, являлась очень древней. С ней можно было столкнуться также в работах некоторых психологов экспериментализтов. Указывалось, в частности, что одна и та же мелодия, которую играют в различном ключе, воспринимается как та же самая вопреки тому, что ощущения в этом случае совершенно различны. Стало быть, ее звуковой образ представляет собой особую целостность. Важные факты, касающиеся *целостности восприятия, его не сводимости к ощущениям*, стекались из различных лабораторий.

Датский психолог ***Э. Рубин*** *изучил интересный феномен «фигуры и фона». Фигура объекта воспринимается как замкнутое целое, а фон простирается позади*. При так называемых «двойственных изображениях» в одном и том же рисунке различаются либо ваза, либо два профиля. Эти и множество аналогичных фактов говорили о *целостности восприятия*.

Идея о том, что здесь действует общая закономерность, требующая нового стиля психологического мышления, объединила группу молодых ученых. В нее входили ***М. Вертгеймер*** (1880-1943 гг.), ***В. Кёлер*** (1887-1967 гг.) и ***К. Коффка*** (1886-1941 гг.), ставшие лидерами направления, названного *гештальт-психологией*. Оно подвергло критике не только старую интроспективную психологию, занятую поиском исходных элементов сознания, но и молодой бихевиоризм. Критика последнего представляет особый интерес.

В опытах над животными гештальтисты показали, что, игнорируя психические образы-гештальты, нельзя объяснить их двигательное поведение. Об этом говорил, например, феномен «транспозиции». У кур вырабатывалась дифференцировка двух оттенков серого цвета. Сперва они научались клевать зерна, разбросанные на сером квадрате, отличая его от находившегося рядом черного. В контрольном опыте тот квадрат, который первоначально служил положительным раздражителем, оказывался рядом с квадратом еще более светлым. Куры выбирали именно этот последний, а не тот, на котором они привыкли клевать. Стало быть, они реагировали не на стимул, а на соотношение стимулов (на «более светлое»).

Критике со стороны гештальтистов подвергалась и бихевиористская формула «проб и ошибок». В противовес ей в опытах над человекообразными обезьянами выявилось, что они способны найти выход из проблемной ситуации не путем случайных проб, а мгновенно уловив отношения между вещами. Такое восприятие отношений было названо «инсайтом» (усмотрением, озарением). *Он возникает благодаря построению нового гештальта, который не является результатом научения и не может быть выведен из прежнего опыта.*

В частности, широкий интерес вызвала ставшая классической работа В. Кёлера «Исследование интеллекта у антропоидов». Один из его подопытных шимпанзе (Келлер назвал его «Аристотелем среди обезьян») справлялся с задачей доставания приманки (банана) путем мгновенного схватывания отношений между разбросанными предметами (ящиками, палками), оперируя которыми он достигал цели. У него наблюдалось нечто подобное присущему человеку «озарению», названному одним психологом «ага-переживанием» (а в древности архимедовым возгласом «эврика!» – «нашел!»).

Изучая мышление человека, гештальт-психологи доказывали, что *умственные операции при решении творческих задач подчинены особым принципам организации гештальта («группировка», «центрирование» и др.), а не правилам формальной логики.*

Итак, *сознание было представлено в гештальт-теории как целостность, созидаемая динамикой познавательных (когнитивных) структур, которые преобразуются по психологическим законам.*

Гуманистическая психология. В 50-е годы в Калифорнии в ответ на негуманность и редукционизм бихевиоризма и психоанализа зародилось психологическое движение, получившее широкое распространение в мире, которое назвали *гуманистическим, так как оно основано на вере в возможность расцвета каждого человеческого существа, если предоставить ему возможность самому выбрать свою судьбу и направлять ее.* Таким образом, стержень гуманистической идеи – оптимистический взгляд на природу человека.

У истоков этого направления психологии стояли психологи ***Карл Роджерс*** (1902-1987 гг.) и ***Абрахам Маслоу*** (1908-1970 гг.). *Предметом исследований служил индивидуальный опыт человека, а основным методом был интроспективный. Феноменология субъективных переживаний – это основа гуманистической психологии*.

К. Роджерс: «Наука психология – это не напичканная вычислительной техникой лаборатория, а пристальное внимание к человеку, к его психике...», «Сознание детерминируется психологическими факторами; самим человеком, его опытом».

По Роджерсу, *в каждом человеке от рождения заложено стремление полностью реализовать себя, и он наделен силами для развития всех своих возможностей. Однако воспитание и нормы, установленные обществом, более или менее эффективно принуждают его забыть о собственных чувствах или потребностях и принять ценности, навязанные другими*.

Роджерс утверждает, что при таком положении вещей личность развивается совсем не так, как следовало бы в идеале. *В этом отклонении и кроется источник неудовлетворенности и аномалий поведения, которыми страдают многие люди*.

Терапевтический метод Роджерса, названный им *клиентцентрированной психотерапией, основан на том, чтобы дать человеку возможность осознать свои истинные чувства и самостоятельно идти к реализации своих способностей*.

Другой психолог, Маслоу, *создал иерархическую теорию фундаментальных потребностей и самореализации человека*, изучая жизнь великих людей и людей, сумевших добиться полной самореализации.

Маслоу выдвинул *гипотезу, согласно которой по причинам, сходным с указанными Роджерсом, возможности людей удовлетворить свои основные потребности очень часто бывают ограничены, а это препятствует возникновению и удовлетворению потребностей более высокого уровня, таких как самоуважение и самореализация.*

Гуманистический подход дальше всех других отходит от научной психологии. Субъективный подход гуманистов затрудняет установление разницы между мнением самого человека о себе и тем, что он есть на самом деле.

3.3. Кризис психологии начала XX века

За несколько десятилетий первые ростки новой дисциплины, выступившей под древним именем психологии, преобразовались в огромную область научных знаний. По богатству теоретических идей и эмпирических методов она вышла на достойное место среди других высокоразвитых наук.

Как далеко отстояли начальные попытки найти в качестве уникального предмета психологии элементы сознания от широко развернувшейся многокрасочной панорамы душевной жизни и поведения живых существ, созданной энергией многих школ и направлений. Распад на школы, каждая из которых претендовала на то, чтобы явиться миру в качестве единственно настоящей психологии, стал поводом для оценки столь необычной для науки ситуации как кризисной.

Реальный же исторический смысл этого распада заключался в том, что средоточием исследовательской программы каждой из школ стала разработка одного из блоков категориального аппарата психологии. Каждая наука оперирует своими категориями, т.е. наиболее общими фундаментальными разрядами мысли, образующими внутренне связанную систему. Понятие о категориях возникло в недрах философии (здесь, как и во множестве других открытий, пионером был Аристотель, выделивший такие категории, как сущность, количество, качество, время и др.). Категория выполняет в познавательном процессе рабочую функцию и потому может быть названа аппаратом, позволяющим видеть на различную глубину исследуемую реальность, каждый объект которой воспринимается в его количественных, качественных, временных и т.п. характеристиках.

Наряду с названными глобальными, философскими категориями (и в нераздельности с ними) конкретная наука оперирует собственными категориями. В них дан не мир в целом, а предметная область, «выкроенная» из этого мира с целью детального изучения ее особой, уникальной природы. Одной из этих областей является психика, или, говоря языком русского ученого Н.Н. Ланге, – *психосфера.*

Конечно, она также постигается научной мыслью в категориях количества, качества, времени и т.д. Но чтобы познать ее природу, законы, которым она подчинена, овладеть ею на практике, нужен специальный категориальный аппарат, дающий видение психической реальности как отличной от физической, биологической, социальной. Истории было угодно распорядиться так, чтобы этот аппарат формировался в психологии с «оптическим прицелом».

И эта наука осваивала сферу своих явлений по-блочно. *Среди основных категориальных «блоков» психологии выделяются: психический образ, психическое действие, мотив, психосоциальное отношение, личность.* Любая мысль, вступая в общение с психической реальностью, схватывает ее не иначе как в этих категориях. Разобщенность же школ произошла в силу того, что в рассматриваемый период каждая из них прицельно сосредоточилась на одном из блоков. Категория образа стала одной из первых в теоретических схемах экспериментальной психологии, поскольку она опиралась на физиологию органов чувств, продуктом деятельности которых служат элементарные психические образы – ощущения.

Преодолевая «атомистический» структурный анализ вундтовской школы, *гештальт-психология* экспериментально доказала, *во-первых*, целостность и предметность образа, *во-вторых*, зависимость от него поведения организма. В противовес версии об элементах сознания функциональная психология сосредоточилась на его функциях, актах. Однако логика науки требовала перейти от внутрипсихического действия к объективному, соединяющему организм с его средой.

Рефлексология и бихевиоризм внесли непреходящий вклад в разработку категории действия. *Психоанализ* поставил в центр своих построений категорию мотива, по отношению к которому вторичны и образ, и действие, а затем, опираясь на нее, предложил динамическую модель организации личности. Наконец, *французские психологи* сосредоточились на сотрудничестве между людьми, на процессах общения, выявив тем самым включенность в систему категорий психосоциального отношения как инварианты аппарата психологического познания.

Инварианта выражает наиболее устойчивое и постоянное в системе. Категории психологии инвариантны по отношению к системе психологических знаний. Каждая школа сосредоточилась на одной из инвариант, но проделанная ими работа обогащала систему в целом. Поскольку, однако, прицельная разработка одной из инвариант неотвратимо придавала теоретическому облику школы односторонность, дальнейшее развитие психологической мысли шло в направлении поиска интегральных схем. Они открывали перспективу синтеза идей, порожденных монокатегориальными школами.

3.4. Эволюция школ и направлений

Анализ путей развития основных психологических школ говорит об общей для них тенденции. Они изменялись в направлении обогащения своей категориальной основы теоретическими ориентациями других школ.

Необихевиоризм. Формула бихевиоризма была четкой и однозначной: стимул – реакция. Вопрос о тех процессах, которые происходят в организме и психическом устройстве между стимулом и реакцией, снимался с повестки дня.

Такая позиция следовала из предвзятой философии позитивизма: убеждения в том, что научный факт отличается своей непосредственной наблюдаемостью. Как внешний стимул, так и реакция (ответное движение) открыты для наблюдения каждому, независимо от его теоретической позиции, поэтому связка «стимул-реакция» служит, согласно радикальному бихевиоризму, незыблемой опорой психологии как точной науки.

Между тем в кругу бихевиористов появились выдающиеся психологи, поставившие этот постулат под сомнение. Первым из них был американец ***Эдвард Толмен*** (1886-1959 гг.), *согласно которому формула поведения должна состоять не из двух, а из трех членов, и поэтому выглядит следующим образом: стимул (независимая переменная) – промежуточные переменные – зависимая переменная (реакция)* (**S-O-R**).

Среднее звено (промежуточные переменные) – ничто иное, как недоступные прямому наблюдению психические моменты: ожидания, установки, знания.

Следуя бихевиористской традиции, Толмен ставил опыты над крысами, ищущими выход из лабиринта. Главный же вывод из этих опытов свелся к тому, что, опираясь на строго контролируемое экспериментатором и объективно им наблюдаемое поведение животных, можно достоверно установить, что этим поведением управляют не те стимулы, которые действуют на них в данный момент, а особые внутренние регуляторы. Поведение предваряют своего рода ожидания, гипотезы, познавательные (когнитивные) «карты». Эти карты животное само строит. Они и ориентируют его в лабиринте. По ним оно, будучи запущено в лабиринт, узнает, «что ведет к чему». *Положение о том, что психические образы служат регулятором действия, было обосновано гештальт-теорией. Учтя ее уроки, Толмен разработал собственную теорию, названную когнитивным бихевиоризмом.*

Другой вариант необихевиоризма принадлежал ***Кларку Халлу*** (1884-1952 гг.) и его школе. *Он ввел в формулу «стимул-реакция» другое среднее звено, а именно потребность организма (пищевую, сексуальную, потребность во сне и др.). Она придает энергию поведению, создает незримый потенциал реакции. Этот потенциал разряжается при подкреплении (понятие, которое Халл заимствовал у И.П. Павлова), и тогда реакция закрепляется, и организм чему-то научается.*

В защиту ортодоксального бихевиоризма, отвергая любые внутренние факторы, выступил американский психолог ***Б.Ф. Скиннер.*** *Условный рефлекс он назвал оперантной реакцией, сформулировал принцип оперантного обусловливания, считая, что поведение живых организмов определяется последствиями, к которым оно приводит. «Любое поведение определяется его последствиями».*

У Павлова новая реакция вырабатывалась в ответ на условный сигнал при его подкреплении (например, когда перед кормлением раздавался стук метронома и т.п.). *У Скиннера организм сперва производит движение, затем получает (или не получает) подкрепление.*

Скиннер сконструировал экспериментальный ящик, в котором белая крыса (или голубь) могли нажимать на рычажок (или кнопку). Перед ними была кормушка и набор раздражителей. Из этих простых элементов Скиннер составлял множество различных «планов подкрепления» (например, перед крысой находится два рычага и она оказывается в ситуации выбора: или крыса получает пищу только, когда вслед за нажатием на рычаг загорается лампочка, или пища выдается только при нажиме с определенной силой, частотой и т.д.).

Техника выработки «оперантных реакций» была применена последователями Скиннера при обучении детей, их воспитании, при лечении невротиков.

Во время Второй Мировой войны Скиннер работал над проектом использования голубей для управления стрельбой по самолетам. Посетив однажды урок арифметики, где занималась его дочь, Скиннер ужаснулся, сколь мало используются данные психологии. *С целью улучшения преподавания он изобрел серию обучающих машин и концепцию программированного обучения.* Он надеялся, опираясь на теорию оперантных реакций, создать программу «изготовления» людей для нового общества.

Работы Скиннера, как и других бихевиористов, обогатили знание об общих правилах выработки навыков, о роли подкрепления (которое служит непременным мотивом этих навыков), о динамике перехода от одних форм поведения к другим и т.п. Но вопросами, касающимися научения у животных, интересы бихевиористов не ограничивались.

Открыть общие, выверенные точной объективной наукой законы построения любого поведения, в том числе у человека, – такова была сверхзадача всего бихевиористского движения. «Человек или робот?» – такой вопрос задавали бихевиористам их противники. Они справедливо указывали, что, устраняя внутреннюю психическую жизнь человека из сферы точного причинного анализа, бихевиоризм трактует личность как машинообразно работающее устройство. Строгость объективного анализа реакций организма достигалась дорогой ценой. Устранялось сознание как внутренний регулятор поведения.

Надеясь придать психологии точность обобщений, не уступающую физике, бихевиористы полагали, что, опираясь на формулу «стимул-реакция», удастся вывести новую породу людей. Утопичность этого плана выступает в концепциях типа скиннеровской. Ибо даже применительно к животным Скиннер, как заметили его друзья, имел дело с «пустым организмом», от которого ничего не оставалось, кроме оперантных реакций. Ведь ни для деятельности нервной системы, ни для психических функций в скиннеровской модели места не было. Снималась с повестки дня и проблема развития. Она подменялась описанием того, как из одних навыков возникают другие.

Огромные пласты высших проявлений жизни, открытых и изученных многими школами, выпадали из предметной области психологии.

Неофрейдизм. Это направление, усвоив основные схемы и ориентации ортодоксального психоанализа, пересмотрело базовую для него категорию мотивации. Решающая роль была придана *влияниям социокультурной среды и ее ценностям*.

Фрейда окружало множество учеников. Наиболее самобытными из них, создавшими собственные направления, были ***Карл Г. Юнг*** (1875-1961 гг.) и ***Альфред Адлер*** (1870-1937 гг.). Первый назвал свою психологию *аналитической*, второй – *индивидуальной*.

Первым нововведением Юнга было *понятие о «коллективном бессознательном»*. В бессознательную психику индивида могут, по Фрейду, войти явления, вытесненные из сознания. *Юнг считал, что они никогда не могут быть индивидуально приобретенными, но являются даром далеких предков. Анализ позволяет определить структуру этого дара, образуемого несколькими архетипами*.

Будучи скрытыми от сознания организаторами личного опыта, *архетипы обнаруживаются в сновидениях, фантазиях, галлюцинациях, а также в творениях культуры*. Большую популярность приобрело *разделение Юнгом человеческих (психологических) типов* на *экстравертивный* (обращенный вовне, увлеченный социальной активностью) и *интравертивный* (обращенный внутрь, сосредоточенный на собственных влечениях, которым Юнг, вслед за Фрейдом, дал имя «либидо», однако считал неправомерным отождествлять с сексуальным инстинктом).

Адлер, модифицируя исходную доктрину психоанализа, выделил как фактор развития личности чувство неполноценности, порождаемое, в частности, телесными дефектами. Как реакция на это чувство *возникает стремление к его компенсации и сверхкомпенсации с тем, чтобы добиться превосходства над другими. В «комплексе неполноценности» скрыт источник неврозов.*

Уже Адлер *стремился объяснить бессознательные комплексы личности социальными факторами*. Намеченный им подход был развит группой исследователей, которых принято объединять под именем *неофрейдистов*. *То, что Фрейд относил за счет биологии организма, заложенных в нем влечений, эта группа объясняла вращиванием индивида в исторически сложившуюся культуру.* Эти выводы были сделаны на большом антропологическом материале, почерпнутом при изучении нравов и обычаев племен, далеких от западной цивилизации.

Лидером неофрейдизма принято считать ученицу Фрейда ***Карен Хорни*** (1885-1953 гг.). *Испытав влияние марксизма, она, опираясь на психоаналитическую практику, доказывала, что все конфликты, возникающие в детстве, порождаются отношениями ребенка с родителями. Именно из-за характера этих отношений у него возникает базальное чувство тревоги, отражающее беспомощность ребенка в потенциально враждебном мире.*

Невроз – ничто иное как реакция на тревожность. Описанные Фрейдом извращения и агрессивные тенденции являются не причиной невроза, а его результатом. *Невротическая мотивация приобретает три направления: движение к людям как потребность в любви, движение от людей как потребность в независимости и движение против людей как потребность во власти (порождающая ненависть, протест и агрессию).* Свою концепцию развития невроза Хорни осветила в книге «Невротическая личность». Поддерживал идеи Хорни другой ученик Фрейда *Эрих Фромм*, исследующий природу чувства любви и др.

Объясняя неврозы, их генезис и механизмы развития конкретным социальным контекстом, неофрейдисты подвергали критике капиталистическое общество как источник отчуждения личности (в смысле, приданном этому термину Марксом), утраты ею своей идентичности, забвения своего Я и т.д.

Ориентация на социокультурные факторы взамен биологических определила облик неофрейдизма. При этом существенную роль в зарождении этого направления сыграло обращение его лидеров к марксистской философии человека. Под знаком этой философии складывались теоретические основы российской психологии в советский период.

Реактология. Попытки выйти из тупика, созданного конфронтацией между психологией сознания, опиравшейся на субъективный метод, и успешно развивавшимся с опорой на объективный метод бихевиоризмом, предприняли в России ***Г.И. Челпанов*** и ***К.Н. Корнилов*** (1879-1957 гг.). Они выступили, когда в стране утвердился в качестве господствующей идеологии марксизм с его философским кредо – диалектическим материализмом. *Одно из положений этой философии запечатлела идея диалектического единства. Используя ее, Корнилов надеялся преодолеть как агрессию со стороны рефлексологии Бехтерева и Павлова* (она претендовала на единственно приемлемое для материалиста объяснение поведения), *так и субъективизм интроспективного направления* (лидером которого в России был *Г.И. Челпанов*, создавший в Москве на средства известного мецената Щукина Психологический институт по типу вундтовского).

Основным элементом психики Корнилов предложил считать реакцию. В ней объективное и субъективное нераздельны. Реакция наблюдается и измеряется объективно, но за этим внешним движением скрыта деятельность сознания.

Став директором бывшего челпановского института, *Корнилов предложил сотрудникам изучать психические процессы в качестве реакций (восприятия, памяти, воли и т.д.).* Он даже переименовал названия соответствующих лабораторий. Фактически же реальная экспериментальная работа свелась к изучению скорости и силы мышечных реакций.

Таковой на деле оказалась предложенная Корниловым «*марксистская реформа психологии*».

С Корниловым разошлось большинство психологов. Одни покинули Институт, не приняв программу превращения психологии в «марксистскую науку». Другие, считая марксистскую методологию перспективной в плане поисков выхода психологии из кризиса, пошли иным путем.

Эволюция гештальт-теории. Теорию, близкую к гештальтизму, но применительно *к мотивам поведения, а не психическим образам* (чувственным и умственным), развивал ***К. Левин*** (1890-1947 гг.). Он назвал ее *«теорией поля».*

Понятие о «поле» было заимствовано им, как и другими гештальтистами, из физики, и использовалось в качестве аналога гештальта. *Личность изображалась как «система напряжений».* Она перемещается в среде (жизненном пространстве), одни районы которой ее притягивают, другие – отталкивают. Следуя этой модели, *Левин совместно с учениками провел множество экспериментов по изучению динамики мотивов.* Один из них выполнила приехавшая с мужем из России *Б.В. Зейгарник*. Испытуемым предлагался ряд заданий. Одни задания они завершали, тогда, как выполнение других под различными предлогами прерывалось.

Затем испытуемых просили вспомнить, что они делали во время опытов. Оказалось, что память на прерванное действие значительно лучше, чем на завершенное. Этот феномен, получивший имя *«эффекта Зейгарник»,* говорил, что *энергия мотива, созданная заданием, не исчерпав себя (из-за того, что оно было прервано) сохраняется и переходит в память о нем.*

Другим направлением стало *изучение уровня притязаний. Это понятие обозначало степень трудности цели, к которой стремится субъект*. Ему предъявлялась шкала заданий различной степени трудности. После того, как он выбрал и выполнил (или не выполнил) одно из них, у него спрашивали, задачу какой степени трудности он выберет следующей. Этот выбор после предшествующего успеха (или неуспеха) фиксировал уровень притязаний. *За выбранным уровнем крылось множество жизненных проблем, с которыми повседневно сталкивается личность – переживаемые ею успех или неуспех, надежды, ожидания, конфликты, притязания.*

На основании теорий гештальтпсихологии ***Фредерик Перлз*** *основал метод психотерапии гештальт-терапию, которая по сей день успешно применяется практиками-психологами при лечении невротических расстройств, психотерапевтический метод экзистенциально-гуманистической направленности.*

Ф. Перлз был учеником Курта Гольштейна, В. Райха, К. Хорни, Отто Фенихель и др., основал Южноафриканский институт психоанализа, затем порвал с психоанализом и на основании концепций *классического психоанализа Фрейда, телесноориентированного биоэнергетического анализа Райха, теории «поля» Левина, театра психодрамы Морено, идей Ф. Александера и дзен-буддизма основал свою школу, институт в Нью-Йорке, – гештальт – институт.*

Теория развития интеллекта. Создателем наиболее глубокой и влиятельной теории развития интеллекта стал швейцарец ***Жан Пиаже*** (1896-1980 гг.), известный своим конструктивиским подходом к умственному развитию индивидуума. *Он преобразовал основные понятия других школ: бихевиоризма (взамен понятия о реакции он выдвинул понятие об операции), гештальтизма (гештальт уступил место понятию о структуре) и П. Жане (переняв у него принцип интериоризации, восходящий, как мы уже знаем, к Сеченову).*

Свои новые теоретические представления Пиаже строил на прочном эмпирическом фундаменте – на материале исследования развития мышления и речи у ребенка, и пришел к выводу, что когнитивное развитие представляет собой результат постепенного процесса, состоящего из последовательных ступеней или стадий.

Ребенок, пытаясь понять окружающую действительность, постоянно сталкивается с новыми проблемами, нарушающими уже сложившиеся у него представления о мире. *Фактором, побуждающим ребенка искать новые ответы на эти проблемы, является внутренний процесс «уравновешивания».* Именно таким путем ребенок шаг за шагом преодолевает ступени познания, которое дает ему возможность подступаться ко все более и более сложным областям.

Это продвижение вперед определяется совместным воздействием созревания нервной системы, опыта обращения с различными предметами и таких социальных факторов, как язык и воспитание. Здесь нет ничего врожденного, и по мнению Пиаже, наследственно и потому присуще всем людям только функционирование интеллекта, развитие же его зависит от научения и условий воспитания.

В работах начала 20-х годов: «Речь и мышление ребенка», «Суждение и умозаключение у ребенка» и др. Пиаже, используя метод беседы (спрашивая, например, отчего движутся облака, вода, ветер? Откуда происходят сны? Почему плавает лодка и т.п.), сделал вывод о том, что взрослый размышляет социально (т.е. мысленно обращаясь к другим людям), даже когда он остается с собой наедине. Ребенок же размышляет эгоцентрично, даже когда находится в обществе других. (Он говорит вслух, ни к кому не обращаясь. Эта его речь была названа эгоцентрической.)

Принцип *эгоцентризма* (от лат. «ego» – Я и «центрум» – центр круга) царит над мыслью дошкольника. Он сосредоточен на своей позиции (интересах, влечениях) и не способен стать на позицию другого («децентрироваться»), критически взглянуть на свои суждения со стороны. Этими суждениями правит «логика мечты», уносящая от реальности.

Эти выводы Пиаже, в которых ребенок выглядел игнорирующим реальность мечтателем, подверг критике Выготский, давший свое толкование эгоцентрической (не обращенной к слушателю) речи ребенка. В то же время он чрезвычайно высоко оценил труды Пиаже, так как они говорили не о том, чего ребенку не хватает сравнительно с взрослым (меньше знает, мыслит и т.п.), а о том, что же у ребенка есть, какова его внутренняя психическая организация.

Был выделен ряд стадий в эволюции детской мысли (например, своеобразная магия, когда ребенок надеется с помощью слова или жеста изменить внешний предмет или же своеобразный анимизм, когда предмет наделяется волей или жизнью: «солнце движется, потому что оно живое»).

Не умея мыслить абстрактными понятиями, соотносить их и т.п., он опирается в своих объяснениях на конкретные случаи. *В дальнейшем Пиаже выделил 4 стадии. Первоначально детская мысль содержится в предметных действиях (до 2-х лет), затем они интериоризируются (переходят из внешних во внутренние), становятся предоперациями (действиями) ума (от 2-х до 7 лет), на третьей стадии (от 7 до 11 лет) возникают конкретные операции, на четвертой (от 11 до 15 лет) формальные операции, когда мысль ребенка способна строить логически обоснованные гипотезы, из которых делаются дедуктивные (например, от общего к частному) умозаключения.*

Операции не совершаются изолированно. Будучи взаимосвязаны, они создают устойчивые и в то же время подвижные структуры. Стабильность структуры возможна только благодаря активности организма, его напряженной борьбе с разрушающими ее силами.

Развитие системы психических действий от одной стадии к другой – так представил Пиаже картину сознания.

Сперва Пиаже испытал влияние Фрейда, считая, что человеческое дитя, появляясь на свет, движимо одним мотивом – стремлением к удовольствию, и не желает ничего знать о реальности, с которой вынуждено считаться только из-за требований окружающих. Но затем *Пиаже признал исходным моментом в развитии детской психики реальные внешние действия ребенка (сенсомоторный интеллект, т.е. элементы мысли, данные в движениях, которые регулируются чувственными впечатлениями).*

Культурно-историческая теория. Автором новаторской концепции, оказавшей влияние на развитие мировой психологической мысли, был ***Л.С. Выготский*** (1896-1934 гг.). Не ограничившись общими формулами марксистской философии, он предпринял попытку почерпнуть в ней положения, которые позволили бы психологии выйти на новые рубежи в ее собственном проблемном поле.

Марксизм утверждал, что *человек – это природное существо, но природа его социальна*. Этот тезис требовал понять *телесные, земные основы человеческого бытия как продукт общественно-исторического развития*. Разрыв между природным и культурным привел в учениях о человеке к концепции двух психологий, каждая из которых имеет свой предмет и оперирует собственными методами.

Для *естественно-научной психологии сознание и его функции причастны тому же порядку вещей, что телесные действия организма*, поэтому они открыты для строго объективного исследования и столь же строго причинного (детерминистского) объяснения.

Для *другой психологии предметом является духовная жизнь человека в виде особых переживаний, которые возникают у него благодаря*

приобщённости к ценностям культуры, а методом – понимание, истолкование этих переживаний.

Все помыслы Выготского были сосредоточены на том, чтобы покончить с версией о «двух психологиях», которая расщепляла человека, делала его причастным различным мирам. На первых порах опорным для него служило понятие о реакции. Однако он понимал ее не так, как Корнилов, поскольку считал *главной у человека особую реакцию – речевую*. Она, конечно, является телесным действием. Однако в отличие от других телесных действий придает сознанию личности несколько новых измерений. *Во-первых*, она предполагает процесс общения, а это значит, что *она изначально социальна*. *Во-вторых*, у нее всегда *имеется психический аспект, который принято называть значением или смыслом слова*. *В-третьих, слово как элемент культуры имеет независимое от субъекта бытие*. За каждым словом бьется океан истории народа. *Так, в едином понятии речевой реакции сомкнулись телесное, социальное (коммуникативное), смысловое и историко-культурное.*

В системе этих четырех координат (организм, общение, смысл, культура) Выготский стремился объяснить любой феномен психической жизни человека. Интегратизм, отличавший стиль его мышления, определил своеобразие его пути, когда, оставив понятие о речевой реакции, он перешел к изучению психических функций.

Принципиальное нововведение, сразу же отграничившее его теоретический поиск от традиционной функциональной психологии, *заключалось в том, что в структуру функции (внимания, памяти, мышления и др.) вводились особые регуляторы, а именно – знаки, которые создаются культурой.*

Знак (слово) – это «психологическое орудие», посредством которого строится сознание. Это понятие было своего рода метафорой. Оно привносило в психологию восходящее к Марксу объяснение специфики человеческого общения с миром. Специфика заключается в том, что *общение опосредовано орудиями труда. Эти орудия изменяют внешнюю природу, и в силу этого – самого человека. Речевой знак, согласно Выготскому, это также своего рода орудие. Но особое орудие. Оно направлено не на внешний мир, а на внутренний мир человека. Оно преобразует его.* Ведь прежде чем человек начинает оперировать словами, у него уже имеется дословное психическое содержание. Этому «материалу», полученному от более ранних уровней психического развития (элементарных функций), психологическое орудие придает качественно новое строение. И тогда возникают высшие психические функции, а с ними вступают в действие законы культурного развития сознания – качественно иного, чем «натуральное», природное развитие психики (какое наблюдается, например, у животных).

Понятие о функции, выработанное функциональным направлением, радикально изменялось. Ведь это направление, усвоив биологический стиль мышления, представляло функцию сознания по типу функций организма. *Выготский сделал решающий шаг из мира биологии в мир культуры. Следуя*

этой стратегии, он приступил к экспериментальной работе по изучению изменений, которые производит знак в традиционных психологических объектах: внимания, памяти, мышлении. Опыты, которые проводились на детях, как нормальных, так и аномальных, побудили под новым углом зрения интерпретировать проблему развития психики. Новшества Выготского не ограничились идеей о том, что высшая функция организуется посредством психологического орудия. *Не без влияния гештальтизма он вводит понятие о психологической системе. Ее компонентами являются взаимосвязанные функции. Развивается не отдельно взятая функция (память или мышление), а целостная система функций. При этом в различные возрастные периоды соотношение функций меняется. (Например, у дошкольника ведущей функцией среди других является память, а у школьника – мышление).*

Развитие высших функций совершается в общении. Учтя уроки Жане, *Выготский трактует процесс развития сознания как интериоризацию. Всякая функция возникает сперва между людьми, а затем становится «частной собственностью» ребенка*. В связи с этим Выготский вступил в дискуссию с Пиаже по поводу так называемой эгоцентрической речи.

Выготский экспериментально показал, *что эта речь, вопреки Пиаже, не сводится к оторванным от реальности влечениям и фантазиям ребенка. Она исполняет роль не аккомпаниатора, а организатора реального практического действия. Размышляя с самим собой, ребенок планирует его. Эти «мысли вслух» в дальнейшем интериоризируются и преобразуются во внутреннюю речь, сопряженную с мышлением в понятиях.*

«Мышление и речь» (1934 г.) – так называлась главная, обобщающая книга Выготского. В ней он, опираясь на обширный экспериментальный материал, проследил развитие понятий у детей. Теперь на передний план выступило значение слова. История языка свидетельствует, как изменяется значение слова от эпохи к эпохе. *Выготским же было открыто развитие значений слов в онтогенезе, изменение их структуры при переходе от одной стадии умственного развития ребенка к другой.*

Когда взрослые общаются с детьми, они могут не подозревать, что слова, ими употребляемые, имеют для них совершенно другое значение, чем для ребенка, поскольку детская мысль находится на другой стадии развития и потому строит содержание слов по особым психологическим законам.

Важность открытия этих законов для обучения и развития маленького мыслителя очевидна. *В связи с этим Выготским была обоснована идея, согласно которой «только то, обучение является хорошим, которое забегает вперед развитию». Он ввел понятие о «зоне ближайшего развития». Под ней имелось в виду расхождение между уровнем задач, которые ребенок может решить самостоятельно, и под руководством взрослого. Обучение, создавая эту «зону», и ведет за собой развитие.*

В этом процессе внутренне сомкнуты не только мысль и слово, но также мысль и движущий ею мотив (по терминологии Выготского – аффект). Их интегралом является *пережившие, как особая целостность, которую*

Выготский в конце своего рано оборвавшегося творческого пути *назвал важнейшей «единицей» развития* личности.

Он трактовал это развитие как драму, в которой имеется несколько «актов» – возрастных эпох.

Творчество Выготского существенно расширило предметную область психологии. Она выступила в качестве системы психических функций, имеющей особую историю. *Высший, присущий человеку уровень развития этой системы (отличающийся сознательностью, смысловой организацией, произвольностью) возникает в процессе вхождения личности в мир культуры*.

Теория деятельности в психологии. Другой подход к разработке предметной области психологии наметили исследователи, которые, ориентируясь на марксизм, почерпнули в нем идею формирования сознания и его проявлений в горниле деятельности. Понятие о деятельности многозначно. Сеченов говорил о психических деятельностях, понимая их как процессы, которые совершаются по типу рефлекторных (в особом сеченовском понимании). Павлов ввел понятие о высшей нервной деятельности, Бехтерев – о соотносительной деятельности, Выготский говорил о психических функциях как деятельностях сознания. Но с обращением к марксизму, для которого прототипом любых форм взаимоотношений человека со средой является труд, трактовка деятельности приобрела новое содержание.

Пионером ее выделения, в особую ни к каким другим формам жизни несводимую категорию выступил ***М.Я. Басов*** (1892-1931 гг.). Его исследования (как и ряда других психологов) было принято относить к особой науке – *педологии*. Под ней имелось в виду *комплексное изучение ребенка, охватывающее все аспекты его развития – не только психологические, но и антропологические, генетические, физиологические и др.*

Басов как психолог первоначально примыкал к функциональному направлению. *Сознание в этом случае понималось как система взаимосвязанных психических функций. Но в его взгляде на эту систему имелся особый аспект. Ее центром он считал волю – как особую функцию, предполагающую усилия личности по достижению осознанной цели.*

Это было связано с его общей установкой на научный, экспериментальный анализ активности субъекта. *В особенности его интересовал конфликт между волевым импульсом и непроизвольными, независящими от сознания движениями. Этот вопрос он изучал путем объективного наблюдения за развитием поведения ребенка.* Поскольку изучение было сосредоточено не на внешних движениях самих по себе (рефлексах), а на их внутреннем смысле, *Басов, чтобы отграничить свой подход от подхода рефлексологов и бихевиористов применил вместо термина «поведение» (который они использовали, чтобы обозначить предмет своих исследований) термин «деятельность»*.

Он подчеркивал, что понимает под ней «*предмет особого значения», такую область, «которая имеет задачи, никакой другой областью неразрешаемые»*. Стало быть, если до Басова в воззрениях на предмет

психологии резко противостояли друг другу сторонники древнего убеждения, согласно которому этим предметом является сознание, сторонниками нового убеждения, считавшим, что им является поведение, то после Басова картина изменилась. Он как бы поднялся над этим конфликтом. Этого требовала сама логика развития науки. Откликаясь на ее запросы, К.И. Корнилов видел выход в том, чтобы соединить под эгидой понятия о реакции факт сознания (переживание субъекта) и факт поведения (его мышечное движение).

Басов же предлагал другое решение. «*Нужно, – считал он, – перейти в совершенно новую плоскость. Подняться и над тем, что осознает субъект, и над тем, что проявляется в его внешних действиях. Не механически объединить одно и другое, а включить их в качественно новую структуру*». *Эту структуру он и назвал деятельностью.*

Из чего она состоит, из каких элементов складывается? Системный подход был и у прежней психологии. Структурализм считал, что психическая структура складывается из элементов сознания, гештальтизм – из динамики психических форм (гештальтов), функционализм – из взаимодействия функций (восприятия, памяти, воли и т.п.), бихевиоризм – из стимулов и реакций, рефлексология – из рефлексов.

Басов же предложил считать деятельность особой структурой, состоящей из отдельных актов и механизмов, связи между которыми регулируются задачей. Эта структура может быть устойчивой, стабильной (например, когда ребенок овладел каким-либо навыком). Но она может также каждый раз создаваться заново (например, когда задача, которую решает ребенок, требует от него изобретательности). *В любом случае деятельность является субъектной. За всеми ее актами и механизмами стоит субъект,* говоря словами Басова, – «человек как деятель в среде».

Центральной для Басова, который был поглощен изучением ребенка и факторов его формирования как личности, *выступала проблема развития деятельности, ее истории.* Именно это составляет главное содержание книги Басова «Основы общей педологии» (1928 г.). Но чтобы объяснить, как строится и развивается деятельность ребенка, следует, согласно Басову, взглянуть на нее с точки зрения высшей ее формы, каковой является профессионально-трудовая деятельность (в том числе и умственная).

Труд – это особая форма взаимодействия его участников между собой и с природой, качественно отличающаяся от поведения животных, объяснимого условными рефлексами. Его изначальным регулятором служит цель, которой подчиняются и тело, и душа субъектов трудового процесса. Эта цель осознается ими в виде искомого результата, ради которого они объединяются и тратят свою энергию.

Стало быть, *психический образ, к чему стремятся люди, а не внешние стимулы, влияющие на них в данный момент, загодя «как закон»* (говоря словами Маркса) *подчиняет себе отдельные действия и переживания этих людей*. Игры детей и их обучение отличаются от реального трудового процесса. Но и они строятся на психологических началах, присущих труду: осознанная цель, которая регулирует действия, осознанная координация этих действий и т.п.

Специфика труда как особой формы взаимоотношений людей с предметным миром стала прообразом разработки марксистски ориентированной психологии в Советской России.

Вслед за пионером на этом пути М.Я. Басовым дальнейшее развитие принцип деятельности получил в трудах *С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева.*

Басов, руководя педологическим отделением Ленинградского педагогического института им. Герцена, пригласил ***С.Л. Рубинштейна*** на кафедру психологии, где он написал свой главный труд «Основы общей психологии» (1940 г.). *Лейтмотивом этого труда служил принцип «единства сознания и деятельности».* Как отмечалось, вопрос о системном и смысловом строении сознания был центральным для Выготского, а вопрос о структуре деятельности – центральным для Басова. В то же время роль предметной деятельности в построении сознания оставалась вне поля зрения Выготского, а категория сознания – вне поля зрения Басова. *Сомкнуть сознание с процессом деятельности, объяснив, каким образом оно формируется в этом процессе, – таков был подход Рубинштейна к предмету психологии.*

Это существенно изменяло перспективу конкретных исследований, призванных теперь исходить из того, что «все психические процессы выступают в действительности как стороны, моменты труда, игры, учения, одного из видов деятельности. Реально они существуют лишь во взаимосвязи и взаимопереходах всех сторон сознания внутри конкретной деятельности, формируясь в ней и ею определяясь».

Идея о том, что общение человека с миром не является прямым и непосредственным (как на биологическом уровне), но совершается не иначе как посредством его реальных действий с объектами этого мира, изменяла всю систему прежних взглядов на сознание. Его зависимость от этих предметных действий, а не от внешних предметов самих по себе, становится важнейшей проблемой психологии.

Сознание, ставя цели, проектирует активность субъекта и отражает реальность в чувственных и умственных образах. Предполагалось, что природа сознания является изначально социальной, обусловленной общественными отношениями. Поскольку же эти отношения изменяются от эпохи к эпохе, то и сознание представляет собой исторически изменчивый продукт.

Положение о том, что все, что совершается в психической сфере человека укоренено в его деятельности, развивал также ***А.Н. Леонтьев*** (1903-1979 гг.). Сначала он следовал линии, намеченной Выготским. Но затем, *высоко оценив идеал Басова о «морфологии» (строении) деятельности, он предложил свою схему ее организации и преобразования на различных уровнях: в эволюции животного мира, истории человеческого общества, а также в онтогенезе* (индивидуальном развитии человека) «Проблемы развития психики» (1959 г.).

Леонтьев подчеркивал, что деятельность – это особая целостность. Она включает различные компоненты: мотивы, цели, действия. Их нельзя рассматривать порознь. Они образуют систему. Различие между

деятельностью и действием он пояснял на следующем примере, взятом из истории деятельности людей в первобытном обществе. Участник первобытной коллективной охоты в качестве загонщика спугивает дичь, чтобы направить ее к другим охотникам, которые скрываются в засаде. Мотивом его деятельности служит потребность в пище. Удовлетворяет же он эту потребность, отгоняя добычу. Из этого следует, что деятельность определяется по мотиву, тогда как действие (спугивание дичи) – по той цели, которая им достигается – ради реализации этого мотива.

Аналогичен психологический анализ ситуации обучения ребенка. Школьник читает книгу, чтобы сдать экзамен. Мотивом его деятельности служит эта сдача, получение отметки, а действием – усвоение содержания книги. Возможна, однако, ситуация, когда это содержание само станет мотивом и увлечет учащегося настолько, что он сосредоточится на нем независимо от экзамена и отметки. Тогда произойдет «сдвиг мотива (сдача экзамена) на цель (решение учебной задачи)». Тем самым, появится новый мотив. Прежнее действие превратится в самостоятельную деятельность.

Уже из этих простых примеров видно, насколько важно, изучая одни и те же объективно наблюдаемые действия, раскрывать их внутреннюю психологическую подоплеку.

Обращение к деятельности как присущей человеку форме существования позволяет включить в широкий социальный контекст изучение основных психологических категорий, таких как внутренний образ предмета, совершаемое субъектом действие, мотив, побуждающий его действовать, переживание им своего отношения к другим индивидам, его личностные свойства и притязания.

Указанные категории (образ, действие, мотив, отношение, личность) образуют внутренне связанную систему. Ее многовековая история запечатлела основные контуры картин психической жизни, каковыми они являлись исследовательскому уму. В системе категорий и представлен предмет психологии как науки.

Заключение

Подводя итог краткому экскурсу в историю развития и становления психологии, следует отметить, что усилиями многих поколений мыслителей, исследователей, писателей были заложены мировоззренческие и научные основы отечественного психологического знания. Поэтому развитие российской психологии опиралось на солидную теоретико-методологическую базу исторического прошлого – результаты исследований целой плеяды выдающихся ученых, гуманистические традиции отечественной науки. Обозревая путь, пройденный российской психологией на пути своего научно-организационного становления, следует особо подчеркнуть оригинальность процесса ее эволюции, эвристическую направленность и общечеловеческую ценность вклада отечественных психологов в мировую науку и культуру.

Литература

1. Александер, Ф., Селесник, Ш. Человек и его душа: познание и врачевание от древности до наших дней / Перевод с англ. – М., 1995.
2. Ананьев, Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. – М., 1947.
3. Антология мировой философии. В 4-х т. – М., 1967-1969.
4. Антология мировой философии. В 4-х т. Т.1. – М., 1969.
5. Великие мыслители Запада. – М., 1998.
6. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2, 3. – М., 1982.
7. Гегель, Г.В. Лекции по истории философии. В 2-х книгах. – С.Пб., 1993-1994.
8. Десуар, М. Очерки истории психологии. – С.Пб., 1912.
9. Диаген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1986.
10. Ждан, А.Н. История психологии: от античности до наших дней: – учебник. М., 1990.
11. Зинченко, В.П., Моргунов, В.Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. – М., 1994.
12. Из истории русской психологии. – М., 1961.
13. История зарубежной психологии. Тексты. – М., 1986.
14. История педагогики и современность: хрестоматия. – Л., 1970.
15. История советской психологии труда. Тексты. – М., 1983.
16. Марцинковская, Г.Д., Ярошевский, М.Г. 100 выдающихся психологов мира. – Воронеж, 1996.
17. Мир философии: Книга для чтения. В 2-х ч. – М., 1991.
18. Начала христианской психологии. – М., 1995.
19. Очерки по истории русской психологии. – М., 1957.
20. Петровский, А.В. Вопросы теории и истории психологии. – М., 1984.
21. Петровский, А.В. История советской психологии. Формирование основ психологической науки. – М., 1967.
22. Петровский, А.В., Ярошевский, М.Г. История психологии: учеб. пособие для высшей школы. – М., 1994.
23. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М., 1996.
24. Рубинштейн, С.Л. История русской научной психологии // Основы общей психологии: В 2-х т. Т.1. – М., 1989. – С. 89-97.
25. Рубинштейн, С.Л. Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.
26. Соколова, Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии: Хрестоматия с комментариями по курсу «Введение в психологию». – М., 1994.
27. Теплов, Б.М. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Избранные труды. В 2-х т. Т. 2. – М., 1985. – С. 199-217.
28. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
29. Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. – М., 1990.
30. Хрестоматия по истории психологии. – М., 1980.

31. Хрестоматия по психологии. – М., 1987.
32. Ярошевский, М.Г. История психологии. – М., 1990.
33. Ярошевский, М.Г. Психология в XX столетии. – М., 1974.
34. Ярошевский, М.Г., Анциферова, Л.И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. – М., 1974.

Учебное пособие

Кононова Татьяна Александровна
Чихачёв Максим Витальевич

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Редактор: **Бальчугов** Сергей Георгиевич
Компьютерная верстка: **Назырова** Валентина Владимировна
Корректоры: **Филиппова** Ольга Алексеевна
Маматова Мария Александровна

Подписано в печать 04.03.2015. Цифровая печать.
Печ. л. 5.25. Заказ № 175. Тираж 35 экз.
Типография Новосибирского военного института ВВ имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России